

"В окопах времени"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

В окопах времени (сборник)

Все рассказы этого сборника написаны постоянными участниками литературного форума «В вихре времен» (<http://forum.amahrov.ru>).

Мы благодарим всех форумчан, участвовавших в обсуждении и рецензировании произведений, и надеемся увидеть в наших рядах новых людей, для которых слово «литература» означает нечто большее, нежели просто «чтиво».

Часть первая

В вихре времен

Борис Орлов

Беззвучный гром

Исток

14.00. Красноярск. 10.07.2013.

- Понаехали на нашу голову, - тихонько ворчал Володька Барятинский, натягивая комбинезон, - теперь все наработки отдай, все данные отдай и вообще: отдай жену дяде, а сам ступай к...

Конец фразы он благоразумно скомкал, потому что по личному опыту знал, что некоторые американцы вполне сносно говорят по-русски и к тому же обладают весьма тонким слухом. Группа «юсовцев» нагрянула в Красноярск с тем, чтобы поучаствовать в первом в истории забросе наблюдателей в прошлое. Еще одна великая мечта человечества становилась явью.

Изучение физики времени велось во многих странах одновременно, но к практическому решению проблемы ближе всех подошли спецы канувшего в Лету Советского Союза. И несмотря на приключившуюся в конце 80-х смертельную болезнь страны под названием «перестройка», несмотря на осложнения в виде «денационализации», «ваучеризации», «дефолта» и прочих иностранных словарных ублюдков, наука упрямо ползла, как Маресьев, к цели. И доползла. Первая.

Разумеется, как только на горизонте забрезжили первые результаты, к русским ученым бросились их зарубежные коллеги. К их чести стоит отметить, что далеко не все они были «сливкоснимателями», охотниками до чужой славы – многие просто искренне искали нового знания и нового опыта. Но все они: и подлецы, и честные малые – все несли в клювах гранты, пожертвования, кредиты, которые все они горели желанием отдать в руки удачливых русских коллег. Естественно, при условии, что коллеги позволят принять участие в заключительной стадии экспериментов и присоединиться к первой хроноэкспедиции. И никто, конечно, не желал уступить другим, приехавшим позже или с меньшим числом нулей в чеке. В конце концов Институт физики времени превратился в некое подобие восточного базара, где вечно переругивались, спорили, торговались «дванадесять языков». Казалось, что эта торговля будет бесконечной, так как выбрать достойнейшего из созвездия достойных было совершенно неразрешимой задачей.

Но все на свете имеет свой конец. Запоздавшим, нет, не гостем, а хозяином базара, в институт

прибыла делегация США, руководитель которой, кроме предъявленного чека с внушительной суммой, в приватной беседе с директором института, академиком Каспарянцем, намекнул на возможные санкции госдепа в случае, если в первой экспедиции не примет участие граждан самой демократической демократии...

И вот теперь Барятинский надевал экспериментальный комбинезон хрононавта, любуясь, как такой же натягивает на себя Шеридан Хоукинс – его товарищ на ближайшие несколько суток.

– Ладно, пошли, – сказал Владимир, одергивая комбинезон и мысленно добавляя про себя «дебил рыжий». Шеридан Хоукинс был красив, уверен в себе, из добропорядочной американской семьи, англосакс, протестант, рыжеволос, сероглаз и непроходимо туп. В физике он еще кое-как разбирался, но во всем остальном... Барятинский усмехнулся, вспомнив, как на следующий вечер после их знакомства американец сообщил ему, что хотел бы попросить своего нового русского друга отвести его в Кремль. На недоуменный вопрос Владимира, как он себе это представляет, янки, не смущаясь, ответил, что если надо, он готов оплатить машину от Красноярска до Москвы, так как деньги у него есть, а Кремль он посмотреть не успел и желает теперь восполнить этот пробел. И был крайне изумлен, когда узнал, что на машине вояж от Красноярска до Кремля займет никак не менее пяти дней...

– Володька, ты смотри, на бабочку там не наступи, – сказала первая красавица института, смешливая аспирантка Олеся Дубовяк, проверявшая подгонку комбинезонов и работу встроженных систем, – а то изменишь прошлое и будет как у Брэдбери.

– Невозможно, – авторитетно сказал Хоукинс. – Прошлое не изменить, оно уже было.

Владимир согласно кивнул, но Олеся покачала головой:

– Нечего-нечего успокаивать. Вот наступишь, вернешься, а я – негритянка!

Она звонко расхохоталась и, чмокнув на прощание оторопевшего Барятинского в щеку, умчалась на доклад к начальству.

Экипаж хронокапсулы занял свои места. В горле как-то сразу пересохло: захотелось глотнуть обжигающе-ледяной «кока-колы», которой торговал автомат в холле. Да поздно. «Теперь уж только, когда вернусь», – подумал Владимир. Оба исследователя отрапортовали о своей готовности, о выполнении всех предстартовых манипуляций и о нормальной работе всех систем. Академик Каспарянец и руководитель американских «товарищей», профессор Хольт Блаз, дали отсчет. При слове «ноль» в ушах возник тонкий писк, и последнее, что услышал в реальном мире Барятинский, были слова Каспарянца: «Временные флуктуации выше нормы» и ответ Блаза: «Это нитшего, они не увлекут за собой слишком большой массы».

Владимир невольно вздрогнул, вспомнив мрачный рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром». Все-таки хотелось бы вернуться в свой родной мир, увидеть его еще раз.

Потом настала тишина...

Завязь первая

14.00. Прохоровка. 10.07.1943.

Тройка «лаптежников» взвывла сиренами и, одновременно клюнув носами, рванулась вниз. Ухнули разрывы, взметнулись и опали багрово-черные фонтаны земли – земли, смешанной с кровью. А «восемьдесят седьмые» взмыли ввысь и вновь обрушились на окопы. Грохот разрывов

и пронзительное завывание сирен доносились до КП 18-й гвардейской танковой бригады. Полковник Ермаков с досадой отвернулся от стереотрубы:

- Гады! Второй час без роздыха утюжат! Как там «махра», комиссар? Держится?

Замполит, полковник Райсин, вздохнул:

- Держится, Иван Яковлевич. Должна держаться!

Между тем позиции 1-го мотострелкового батальона окончательно заволокло пылью и дымом. Только по тому, что по стене и пламени пробегала темная рябь, можно было определить, что бомбежка продолжается, а значит, там еще есть что бомбить.

- Еще идут, Иван Яковлевич!

С северо-запада шла на смену новая волна вражеских самолетов...

- Держитесь, ребятки, держитесь, родненькие...

Внезапно мощный глухой удар встряхнул все, дрогнула земля, и сквозь бревна наката посыпался тонкой стружкой песок.

- Ох, ты... Это чего ж так рвануло-то?

Ответа не было. Райсин молча потянул Ермакова за рукав и показал, как из дымно-пыльной стены, закрывшей позиции пехоты, один за другим появлялись приземистые массивные танки, выдавая рублеными силуэтами принадлежность к немецкому бронированному «зверинцу»...

14.00. Окрестности Солигорска. 08.09.1981.

По плану учений «Запад-81» наступление танковой армии должно было вот-вот начаться. Командующий уже доложил маршалу Устинову, что все развивается согласно утвержденному плану, когда пришел доклад о странном событии. В районе Солигорска пропал 64-й гвардейский танковый полк. Пропал полностью, вместе с тыловыми службами, тягачами, танками, мотострелками, санротой и приданным артиллерийским дивизионом. А это почти шесть тысяч человек, тридцать восемь танков, двадцать пять БМП, шестьдесят пять БТР, шестнадцать САУ - не иголка, чтобы пропасть бесследно. И что особенно хреново - с боевыми патронами и снарядами. Из-за возможной реакции НАТО на довольно провокационные условия этих учений более половины участвующих в нем подразделений были полностью боеготовыми.

Командующий обхватил руками голову, затем, в который раз, снова поднял трубку:

- Нашел? Нет? А куда? В болоте? Всем скопом?! Да вы что там, о...ли все?! В общем так: или я через полчаса буду точно знать, куда, мать их распротак, делись эти сраные гвардейцы, или...

Он не договорил. Но угроза была и так понятна. На том конце линии связи кинулись выполнять приказ. И опять безрезультатно...

17.00. Прохоровка. 10.07.1943.

Несмотря на упорное, отчаянное сопротивление, бригада погибала. Броня «тигров» и «пантер» легко противостояла орудиям «тридцать-четверок», чьи снаряды напрасно долбили лбы огромных чудищ. Высекая снопы белых искр, бронебойные болванки отлетали прочь, завывая

на все голоса, словно бы жалуясь на то, что им не удалось выполнить свое предназначение. А ответный огонь был ужасен: уже не один советский танк застыл на узком участке боя, выбрасывая клубы черного дыма. Пользуясь превосходством в оптике, немцы с дальней дистанции легко расстреливали наших, выбивая их одного за другим. Да и как могли легкие Т-60 и Т-70, которых в бригаде было почти 70 %, противостоять фашистским монстрам? И все же танкисты дрались до последнего. Два немецких тяжеловеса застыли, объятые пламенем, пораженные почти в упор в борт и корму. Еще один бестолково вращался с разбитой гусеницей. Еще одного спалили пехотинцы, которые хоть и полегли почти все под бомбежкой, но сохранили несколько ПТРС и немного противотанковых гранат.

Однако этого было мало. Бригада погибала, точно крейсер «Варяг» в неравном бою. Связи не было. Командирская была разбита, а остальные почему-то не пробивались сквозь эфир.

17.10. Прохоровка. 10.07.1943.

От рожи остались одни обломки. Все березы были переломаны, и только их пни торчали из черной земли, напоминая зубы неведомого зверя. Небо было абсолютно непрозрачным из-за чадного дыма догорающих танков. В воздухе плыл страшный запах войны – запах крови, земли, пороха, соляра и неумного человеческого ужаса. Внезапно на остатки рожи наплыл неизвестно откуда взявшийся белесый непроницаемый туман. Затем раздался рев танковых дизелей, и из тумана вынырнул танк. Рядом возник еще один, еще... Колонна танкового батальона медленно выдвинулась на поле недавнего боя.

Передовой Т-72 повернул башню и остановился. Из люка высунулся человек в шлемофоне. Он изумленно озирался, затем сплюнул и с досадой махнул рукой:

- Заблудились, мать его... – сквозь фырчание дизеля донеслось еще несколько емких военно-народных терминов.

Обгоняя танки, к головному подлетела полсотая кэшээмка [1], из которой вылез полноватый подполковник с красным отечным лицом:

- Не понял – военно-народная терминология – где эта, мать ее в качели, дорога?! Полунин! – опять военно-народный фольклор. – Полунин! Чтоб у меня через пять минут была ясность: куда дорога девалась?!

Капитан Полунин, командир второй роты, молчал, нервно покусывая губы.

- Нет, ну чего ты на меня вылупился, как Пентагон на ЦК? Я тебя спрашиваю: где, мать ее, гребаная дорога?! И где, мать ее, гребаная связь?

Полунин с тоской посмотрел на своего комполка. Подполковник Первушин был хорошим командиром, почти настолько хорошим, насколько вообще может быть хорошим «ба-альшой начальник». И сейчас он был прав. Полунин, как командир передовой роты, должен был следить за дорогой, а он... Э-эх! Лишними вчера были два последних стакана!

- Товарищ подполковник! Товарищ подполковник! – из КШМ высунулся радист. – Есть связь! Есть!

Полунин с облегчением вздохнул. Сейчас все выяснится, а там, глядишь, и забудется его ляп за всеми остальными заботами, делами и прегрешениями больших учений...

- ...Ну и что это такое, я вас спрашиваю? – Первушин оторопело смотрел на гарнитуру,

которую держал в руке. – И чьи это переговоры?

– Вроде по-немецки говорят.

– А ты откуда знаешь, что по-немецки?

– Так это, товарищ гвардии подполковник, в школе учил...

– Может, ты еще и знаешь, о чем говорят?

– Ну, настолько я не учил. Но что-то непонятное, товарищ гвардии подполковник...

Первушин задумчиво почесал переносицу. Вроде бы гэдээровцы принимать участие в учениях не должны, но...

– Мотострелков мне! Остапенко? Значит так: пошлешь десяток дозоров, пусть хоть как, хоть мытьем, хоть катаньем, но дорогу найдут. И вот еще что... Патроны пускай на всякий случай боевые возьмут! Вопросы? Вот и отлично...

Трое разведчиков бесшумно скользили по лесу.

– Слышь, скворец... Куда-то мы не туда попали...

– Так точно, товарищ гвардии дедушка.

– Перемолочено все так... Такого быть не должно. Бл..., а это еще что?

Они молча застыли возле закопченной до неузнаваемости «семидесятки».

– Молодой, это еще что?

Боец-первогодок сдвинул назад каску:

– Товарищ гвардии дедушка, это вроде Т-70. Танк такой был. Я про них в «Технике – молодежи» читал. Может, кино снимают?

Старший собирался что-то сказать, но на полуслове осекся: послышалась короткая очередь. Разведчики переглянулись, не сговариваясь, загнали патроны в стволы «калашей» и, крадучись, двинулись на звук выстрелов... Через несколько секунд они лежали в пожухлой, выгоревшей траве и не верили своим глазам. На фоне горящей «тридцатьчетверки» четко вырисовывались три силуэта в знакомых с детства по фильмам и картинкам касках, переговаривающихся характерными гнусавыми голосами...

00.00. Прохоровка. 11.07.1943.

– Товарищи офицеры! Не знаю, каким образом, но мы попали в прошлое. Сейчас мы на Курской дуге. И идет то самое сражение. Сегодня немцы двинули свои танковые части, пытаюсь прорвать фронт. Мы в тылу у врага. До наших – семь километров. Я принял решение: постараемся прорваться к нашим и поможем им. Вопросы? – Первушин отер со лба пот. – В таком случае доведите это до сведения своих батальонов и рот. Идем стандартным боевым порядком полка. Танки впереди, мотострелки, затем – тыловые службы. «Шилки» страхуют тыловиков. Артдивизион – в арьергарде. Начало движения – в 4.00. Все свободны.

Подполковник демонстративно расстегнул кобуру пистолета, загнал в ствол патрон. Офицеры

kozyрнули и заторопились к своим подразделениям.

Первушин сел на броню кэшээмки, закурил. Рядом с ним устроился замполит.

- Ну что, комиссар? Как думаешь: всыпем фрицам?

- Должны, Николай Сергеевич, должны... Вот только, - замполит Невзоров нервно потер ладони, - нас как, потом, в ГУЛАГ не закатают?

Среди офицеров полка Невзоров, несмотря на занимаемую должность, слыл фрондером, читал «самиздат» и в своем кругу иной раз поругивал порядки и правительство.

Первушин усмехнулся:

- Что, комиссар, струхнул? Диссидентов начитался? Ну-ну, - он хлопнул Невзорова по плечу, - бог не выдаст, свинья не съест! Немцы не убьют - культ личности не затронет! Да вообще, мне отец рассказывал, - подполковник понизил голос, - не было никакого культа. Так что выживем - надо бы товарищу Сталину «кукурузника» заложить, чтоб иудничать было неповадно...

Теперь уже усмехнулся Невзоров:

- Ты, Сергеич, сначала отсюда нас выведи, а уж потом дальнейшее планируй. А то...

Развить свою мысль ему помешал радист:

- Товарищ подполковник! Наши!

Он протянул гарнитуру офицеру:

- Кто говорит?

- Гвардии подполковник Первушин. 64-й гвардейский танковый полк.

- Сколько у тебя коробок осталось, Первушин?

- А с кем я говорю?

- «Тайга». Рубанюк.

- У меня полный штат. Тридцать восемь танков, шестнадцать САУ, двадцать... легких танков и шестьдесят пять... броневиков. Есть еще зенитные счетверенные, - Первушин не мог найти аналогию ЗСУ «Шилка» и умолк.

- Богато, - на том конце раздался короткий смешок. - Вот что, Первушин: немцы атакуют нас со стороны реки, мосты строят для своих тяжелых танков. Надо им помешать.

- Понял вас. Постараемся.

- Ты не постарайся, а сделай. Приказываю: выйти к берегу Псела, занять оборону и не допустить переправу танковых соединений противника. Повторите!

- Приказано выйти к берегу Псела, занять оборону... «Тайга», разрешите занять оборону по западному берегу...

- Ну, Первушин, действуй. За Родину!

- За Родину!

Подполковник отпустил танкету и вернул радисту гарнитуру. Посмотрел на трофейную карту, сплюнул в сторону расстрелянных немецких языков:

- Командиры батальонов, отдельных рот и артдивизиона - ко мне...

04.00. Прохоровка. Псел. 11.07.1943.

Майор Венцель наблюдал за тем, как саперы ловко и сноровисто укрепляют понтонный мост. Невольно он залюбовался ловкими движениями своих подчиненных, когда в воздухе раздался хорошо знакомый шелест, а через мгновение вверх взвился огненный столб взрыва. Снаряд угодил точно в центр моста, и вверх, вместе с илом и огнем, взлетели обломки понтонов и тела работающих солдат. А потом начался ад... Из утреннего тумана почти беззвучно появились широкие тела танков неизвестной конструкции, которые врезались прямо в ряды пехоты, скопившейся в ожидании переправы. На их бортах весело заплясали огоньки выстрелов, огненные струи трассеров потянулись к опешившим в первые мгновения солдатам. Следом за неизвестными танками на берег вылетели огромные восьмиколесные невиданные бронетранспортеры. Заглушая грохот выстрелов, грянуло русское «Ура!», и с бронетранспортеров горохом посыпались русские пехотинцы. Оглушительный грохот тяжелых пулеметов вызвал еще больший ужас: громадные пули отрывали конечности, в разные стороны летели клочья мяса и костей. Каждая пронзала двух-трех солдат, собирая обильную жатву смерти.

Венцель в смертном ужасе кинулся в свою машину, а через пятнадцать минут, счастливо избежав русской пули или снаряда, он уже трясущимися руками колотил в броню передовой машины танковой колонны:

- Русские! Русские! Сделайте что-нибудь!!! Это русские!

Не вынеся кошмара положения, Венцель разрыдался...

Оберштурмфюрер Вили Хенске высунулся из танкового люка, с секунду смотрел на бьющегося в истерике майора, сплюнул и, нырнув обратно в башню, вызвал командира. Обрисовав ситуацию со слов майора, не преминув добавить, что сапер перепуган до полусмерти и скорее всего сильно преувеличивает угрозу, оберштурмфюрер выслушал приказ командира батальона, штурмбанфюрера Шрамма, и скомандовал водителю:

- Вперед, Курт! Нужно поторапливаться, иначе русские совсем добьют наших храбрых землекопов. И тогда нашим котяткам придется замочить лапки при переправе...

- ...Быстрее, быстрее!

Оставшихся в живых саперов сгоняли в кучу, деловито обыскивали и ставили на колени с заложенными за голову руками. Старослужащие быстро сообразили, что уйти на грядущий дембель значительно интереснее в немецких сапогах, с ранцами из телячьих шкур, в которых будут лежать милые штучки под названием «трофеи», но капитан Емельянов мгновенно пресек начавшееся было мародерство. Мотострелковая рота быстро занялась подготовкой к обороне: один взвод устанавливал мины, остальные рыли окопы и собирали трофейное оружие. Рядом заняла позицию противотанковая батарея ПТУРСов на БРДМ. Все

спешили: вдалеке слышался завывающий вой моторов немецких танков...

...Хенске не успел понять, откуда прилетел снаряд, отправивший весь экипаж его «тигра» в Вальхаллу. Obersturmführера спасло то, что в момент попадания русского снаряда он высунулся из башни, пытаясь высмотреть в бинокль, где спрятались напугавшие сапера-паникера русские. Взрывом его вышвырнуло наружу, прокрутило в воздухе и метра через полтора основательно приложило арийской головушкой об некстати подвернувшийся жидобольшевицкий булыжник. Когда перед глазами рыцаря СС перестали вращаться знаки зодиака и он сумел относительно определиться в пространстве, его роты более не существовало. Жирно чадя, горели все двадцать два «тигра», а на восток убегали несколько счастливых, которых проглядели валькирии. Вили Хенске с трудом поднялся на ноги, попытался расстегнуть кобуру «Вальтера» и снова грянулся наземь, сбитый молодецким ударом приклада...

- Что, Кац, решил за Освенцим посчитаться? Ну-ну, шутю, мать его, - сержант на всякий случай отодвинулся от рядового Каца, славившегося в роте нечеловеческой силой и отсутствием чувства юмора, если дело касалось его пятого пункта...

08.00. Прохоровка. Псел. 11.07.1943.

За четыре часа полк отбил уже две атаки. Самонадеянные эсэсовцы, веря в несокрушимость брони своих Т-6, ломались напролом. Им и в голову не приходило, что пушки русских танков могут стрелять так далеко, так точно и, главное, так убийственно. После первой атаки на поле остались коптить двадцать два «тигра», после второй - без малого шестьдесят вражеских машин разных модификаций превратились в груды металлического хлама. Озлобленные потерями немцы вызвали авиацию. «Шилки» отправили всех прилетевших в последний полет.

Вторая волна люфтваффе насчитывала в своем составе шестьдесят «Фокке-Вульфов D» и почти столько же «штукасов». Одни «Шилки», разумеется, не справились бы, но тут к отражению авианалета подключились ПЗРК мотострелков, КПВТ бронетранспортеров и зенитные ДШК танков. Безумный шквал огня обрушился на немецких пилотов. Один за другим самолеты вспыхивали, разваливались на куски, исчезали в слепящих облаках взрывов. Немцам удалось накрыть всего одну бээмпэшку, которая получила бомбу впритирку к борту, кувыркнулась набок и нехотя загорелась. Да еще какому-то то ли фанатику, то ли просто невезучему летуну довелось врезаться крылом в Т-80, у которого сработала система пожаротушения, а вертикальный стабилизатор пушки вышел из строя. Радуюсь отсутствию потерь и временной передышке, солдаты да и офицеры загомонили, весело обсуждая подробности последнего боя. Кто-то вытащил магнитофон, и над полем боя взревела «АББА». После краткого, но содержательного внушения хозяину «музыки», шведская четверка заткнулась, а в небо взлетела песня Высоцкого «Я - Як, я - истребитель, мотор мой звенит...».

Первушин принимал доклады от командиров подразделений, когда на позицию выскочила закопченная «тридцатьчетверка». Из нее вылез, пошатываясь, человек в грязном, некогда синем комбинезоне с закопченным окровавленным лицом.

- Кто старший?

Мотострелки, уловив в голосе право на вопросы, сопроводили его к командиру.

- Подполковник Первушин. С кем имею?

- Полковник Дегтярев. Слушай, Первушин, выручай. наших там прижали - не вырваться. Помоги, браток. Там ведь полк погибает.

Первушин задумался. Развернул было трофейную карту, затем спросил:

- Товарищ полковник, а карты у вас не найдется?

14.00. Прохоровка. 11.07.1943.

Лейб-штандарт «Адольф Гитлер» выдвинулся на исходную позицию. Тяжелые танки, танцergренадеры, артиллеристы – все замерли в ожидании. Еще немного, еще чуть-чуть...

...Свист приближающихся снарядов длится всего три-четыре секунды. Но как много успевает человек передумать и вспомнить! Маленький домик в Гарце, маму и бабушку, воскресный суп с клецками, белокурую Лоту, с которой впервые поцеловался... Жену и детей, если успел завести, все, что хотел сделать, но не успел за важностью повседневных дел... Много вспоминается, пока свистят снаряды...

...Залп шести «Акаций» и четырех «Гвоздик» был страшен. За ним последовал еще и еще, ведь на артиллерийских позициях прозвучала команда: «Шесть снарядов, беглым. Огонь!». На позициях лейб-штандарта разверзся ад. Как думали немцы. Но они ошибались...

Последние снаряды еще рвались на земле, а уже взревели дизеля, тонко взвыли газотурбинные двигатели, и через мгновение на лейб-штандарт обрушились почти четыре десятка танков. Танков, равных которым не было и еще долго не будет в мире. Низкие, приземистые, несущиеся с немыслимой скоростью, они казались не машинами, а ангелами мщения, сошедшими с небес на землю. Грохотали выстрелы орудий, захлебывались бешеным перестуком пулеметы. Бегут, бегут немцы, бегут в тщетной попытке продлить свою жизнь хоть еще на один вздох, бегут, пока не рухнут под блестящий металл гусениц, пока не сшибет их с ног короткая пулеметная очередь или не срубит осколок двадцатипятимиллиметровой гранаты.

Через полчаса лучшей танковой части СС не существовало. Шестидесят четвертый гвардейский, потеряв в атаке два танка и шесть бэтэров, устремился вперед, в тыл второго танкового корпуса СС.

12.00. Москва. 25.08.1943.

- Так, говорите, документов никаких нет?

- Так точно, товарищ Сталин!

- А представление на Героя есть?

- Так точно, товарищ Сталин!

- А это какой Первушин? Тот, который Манштейна в плен взял?

- Так точно, товарищ Сталин!

Пауза. Синий дымок из трубки.

- Я полагаю, что героизм проявляет человек, а не его документы, верно?

- Так точно, товарищ Сталин!

- Я думаю, что генерал-майору Первушину нужно выдать новые документы. И присвоить звание Героя. Вы согласны?

- Так точно, товарищ Сталин!

Завязь вторая

06.00. 16 августа 1812 года. Южнее Смоленска.

Разведрота второго танкового корпуса двигалась по рокаде. Капитан Первунов высунулся из люка по пояс и напряженно вглядывался вперед, отчаянно пытаясь проникнуть взглядом за пелену тумана, укутавшую дорогу непроницаемым покрывалом. Внезапно «тридцатьчетверку» сильно тряхнуло, и Михаил Первунов услышал, как матерится прикусивший язык наводчик.

- Стой, мать твою!

Танк мгновенно замер, точно встретив надолб. Капитан, худощавый и малорослый, носивший у солдат прозвище «мышь», умел быть грозным и требовательным.

Первунов недоуменно крутил головой. Что-то изменилось, но понять, что именно, он не мог. А что-то ведь изменилось...

- Че чилось? - рядом тормознул дозорный БА-64, и оттуда чертиком из коробки вынырнул лейтенант Черемисов. - Куда это мы заехали, товарищ капитан? - Лейтенант втянул длинным носом воздух и удивленно мотнул головой. - Войной не пахнет.

Первунов вдохнул полной грудью. Черемисов был и прав и не прав. Все-таки в воздухе чувствовался запах развороченной земли и чуть-чуть крови, но вот выхлопами, кордитом, гарью - этими неизбежными спутниками воюющего человека - не пахло совершенно. И еще: где-то неподалеку, надрываясь, истошно голосили петухи - то, чего в их районе уже месяца два как не было да и быть не могло.

- Михалков! Михалков, зараза, ты куда нас завез?

Сзади сгрудились два ротных «Доджа» и шесть «ГМС», которые подперли трофейный «ганомог», пяток Т-70 и столько же Т-34. Из машин высывались бойцы, но вопросы задавать не торопились: «мышь» может и врезать за глупые разговоры. Куда запропали остальные машины, было не ясно.

- Связи нет, товарищ капитан. Причем так нет, как если бы ее вообще нигде не было. Эфир чист.

Сдвинув фуражку на лоб, Первунов задумчиво почесал затылок. Связи нет. В районе их дислокации компас бессмыслен, показывает направление не на север, а на могилу пресловутой бабушки швейцара. Дорогу, конечно, можно бы привязать к карте, но только дорога такая... странная, в общем, дорога. Была обычная грунтовка, а теперь щебенка...

- Семичасный! Взял шестерых и в поиск! Шевелись, бойцы. - Капитан закурил и повернулся к политруку Грановичу: - Что скажешь, комиссар? Давай, ты ж у нас образованный, может, что и объяснишь...

- Не знаю, Михаил, - старший лейтенант озадаченно потер переносицу. - Похоже, словно нас в тыл как-то занесло. Только как и куда - наука этого пока объяснить не может.

- Спасибо за ценные сведения, Алексей. - Первунов щелчком послал окурок в придорожные кусты. - Тогда хоть как сориентироваться - подскажи.

- А вон у него спросить. - Гранович махнул рукой вперед, туда, где из тумана показался силуэт всадника.

Командирский Т-34 двинулся вперед, пофыркивая двигателем и лязгая траками. Навстречу ему неровным шагом шел конь, покрытый расшитым чепраком. На седле мотался из стороны в сторону человек в странной, яркой одежде.

- Mamочka родная, гусар, - ошарашенно произнес сидевший позади башни Гранович...

Первунов вместе с Грановичем подбежали к всаднику. Конь послушно остановился, и седок что-то забормотал, так и не открывая глаз на залитом кровью бледном лице под черным гусарским кивером.

- Чего говорит? - деловито осведомился капитан. - Не по-русски и не по-немецки.

- По-французски, - Алексей прислушался, - Натали какую-то вспоминает, просит, чтобы она ему простила за Полину и сына берегла.

- Француз, стало быть?

В этот момент раненый приоткрыл глаза и отчетливо произнес:

- Скажите к генерал-аншефу, его высокопревосходительству Барклаю-де-Толли. Генерал Дохтуров просит сообщить, что неприятель обходит крупными силами, - голос опять понизился до слаборазборчивого шепота, человек начал заваливаться набок, - имея намерение нанести удар в тыл отходящей армии. Вот пакет...

Первунов и Гранович подхватили убитого гонца и бережно опустили тело на землю. Молча переглянулись. Политрук аккуратно отогнул край шитого мишурным шнуром доломана и достал испятнанный бурый пакет с сургучными печатями. Вопросительно взглянул на капитана.

- Вскрывай, - почему-то шепотом произнес Первунов.

Сломав печати, Алексей быстро развернул лист и побежал глазами по ровным рукописным строчкам. Украшенные завитушками буквы прыгали и сливались в слова старой орфографии: «...обнаружил казачий разъезд сотника Маркова-второго... противник, силами до тридцати линейных и семи легких батальонов, сорока эскадронов при 50 орудиях... принял смерть за Веру и Отечество, пытаюсь задержать... 5-й егерский полк рассеян, а Полтавский линейный отступает в беспорядке... если помощь не придет, то Смоленск удержать не имеется никакой возможности... буду принужден оставить лазареты и магазины... умоляю, Ваше высокопревосходительство, предоставить подкрепление... остаюсь Вашим преданным слугой, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский».

- Все, - окончив читать, Гранович поднял глаза и замер. Его поразила перемена, произошедшая в лице комбата. Лицо Первунова приобрело то хищное выражение, которое редко-редко, на одно мгновение осеняет лицо азартного охотника, обращая человеческий образ в страшную маску тигра-людоеда.

- Значит, говорит, Смоленск не удержать? - тихо выдохнул капитан. - Ошибся их благородие -

удержать, да еще как! Вот что, политрук: давай-ка, объясни бойцам все как надо. Сейчас пойдем французам красную юшку пускать.

07.00. 16 августа 1812 года. Южнее Смоленска.

Генерал Дельзон гнал свои войска ускоренным маршем. Дорога скрипела, стонала и отдавалась гулким звуком под тяжестью тысяч сапог и копыт. Впереди летели польские уланы, высланные командиром кавалерии, генералом Рожнецким, в дозор и боевое охранение. Скорее, скорее, пока русские не узнали о гениальном замысле императора, пока не опомнились.

Малочисленные дозоры и заслоны были сметены с дороги, и теперь сводный отряд генерала Дельзона в составе трех пехотных и двух кавалерийских дивизий приливной волной шел в тыл все еще сопротивлявшимся в Смоленске. После такой блестяще проведенной операции можно рассчитывать даже на маршальский жезл, который, как говорит их полководец, носит в своем ранце каждый солдат великой армии...

Размышления прервались звонким, похожим на удар бича, выстрелом, и генерал увидел, как в центре колонны встал невысокий столб разрыва. В стороны еще летели куски тел и обрывки мундирного сукна, когда ударил второй выстрел. Третий, четвертый, пятый... Дельзон похолодел: судя по частоте выстрелов и разрыву снарядов, где-то рядом находилась замаскированная русская батарея рота. А она не может быть одна, без прикрытия. Минимум три-четыре батальона...

Точно в подтверждение его слов с другой стороны дороги из леса ударили ружейные выстрелы. «Егеря, - понял Дельзон. - Они залпами не бьют».

106-го линейного полка больше не существовало. Из двух тысяч человек, только что шедших по дороге широкой колонной по двадцать в ряд, уцелело не более трех сотен разбегающихся в панике, потерявших от ужаса человеческий облик существ.

- Мой генерал, мой генерал! - адъютант уже давно тряс его за рукав. - Мой генерал, 11-я дивизия отступает, генерал Разу убит. Они натолкнулись на засаду и были рассеяны.

Но Дельзон не слышал своего адъютанта. Расширенными от ужаса глазами он смотрел и никак не мог поверить тому, что видит. На дороге появилось нечто, напоминающее не то телегу, не то домик. Оно не имело колес, но, тем не менее, быстро двигалось вперед. Верхняя часть этого непонятного сооружения повернулась, и из торчащего оттуда ствола посыпались выстрелы. Пушечный грохот перекрыл невыносимый ружейный треск, и восьмифунтовое орудие, успевшее встать рядом с дорогой, выплюнуло свое ядро в сторону этого чудища. Непонятное сооружение развернулось, окуталось дымом и вдвое быстрее, чем лошадь, скачущая галопом, устремилось к артиллеристам. Те прыснули в стороны, точно брызги от попавшего в лужу камня, но чудовище легко настигло их и буквально раздавило несчастных своим весом.

Дельзон молча сошел с коня. Он обнажил шпагу и теперь стоял, дожидаясь, пока к нему подбегут солдаты в зеленых русских мундирах необычного покроя. Вот перед ним оказался высокий молодой детина со странным ружьем, у которого не было штыка, но сверху имелся какой-то непонятный диск. Генерал сделал глубокий выпад шпагой, но русский резким движением увернулся, и на голову Дельзона обрушился тяжелый удар приклада...

- Товарищ старший лейтенант, во - фрукт! Сопротивлялся, - сержант Семичасный, точно тростинку, держал в одной руке пехотный «дегтярь», а в другой, чудовищной веснушчатой лапшей, как нашкодившего котенка, удерживал за шиворот человека в богатом мундире.

Гранович изучал французский в институте, но допрашивать он не очень-то умел. В голове вертелись обрывки фраз: «Ваша тетушка вырастила прекрасные розы... где находится советское представительство?... эта дорога ведет в Париж?» Он сумел задать лишь несколько вопросов: об имени, звании и направлении движения группы.

- Что ты с ним возишься, комиссар? - Первунов высунулся из танка и с интересом посмотрел на пленного. - Допросил - и в расход шаромыжника...

14.30. 16 августа 1812 года. Западнее Смоленска.

- Мой император, - Даву виновато наклонил голову и от этого сделался похож на обиженного быка, - сир, мой корпус бежит. Прикажите расстрелять меня, сир, но я ничего не могу сделать...

- Сир, - Бертье стоял сзади. Наполеон не видел его лица, но мог поклясться, что оно бледно. - Русские применили нечто необыкновенное. Доклады офицеров и генералов противоречивы, но все сходится в одном: у русских есть что-то вроде вагенбурга, вооруженного орудиями невероятной разрушительной силы.

- Так возьмите орудия! Ларибуазье, вы - начальник артиллерии, командуйте же, черт побери! Выставьте сто пушек, двести пушек и остановите это... это... - не найдя слов, он умолк и, засунув руку за борт сюртука, принялся шагать по избе, где разместился его штаб.

Своим титаническим умом он пытался понять: где он ошибся? Поход на Россию был задуман и рассчитан верно. Несмотря на мелкие ошибки и недочеты, все шло по плану кампании, и вдруг...

Его размышления прервал гром орудийных выстрелов и грохот разрывов. В избу влетел худощавый и смуглый командир конных егерей Старой гвардии генерал Гюйо.

- Сир, - в голосе генерала звучали истерические нотки. - Вы должны немедленно покинуть это место. К деревне движутся русские кирасиры и... - Гюйо, как и другие, запнулся, не имея ни малейшего понятия о том, как назвать это чудо-оружие - эти самоходные пушки!

Точно в подтверждение его слов загрохотало совсем рядом, и в узенькое, подслеповатое оконце Бонапарт увидел, как рушится соседний дом.

- Скорее, сир! - Гюйо не уходил, хотя было видно, что он близок к панике. - Скорее! Ваши верные егеря ждут вас!

Наполеон поспешил к выходу. Двое мамелюков подвели к нему его белого Араба, помогли взобраться в седло. Егеря личного конвоя сомкнулись вокруг императора, и кортеж взял с места в галоп. Бонапарт оглянулся. В деревне уже шел бой. Гренадеры Старой гвардии во главе с генералом Кюриалем встали, перегораживая единственную улицу деревни. Внезапно раздался оглушительный рев, крайняя изба вздрогнула и стала медленно, точно во сне, разваливаться на отдельные бревна. Из руин дома показалось нечто, страшное и беспощадное, как сама война. Гренадеры дали залп, другой, но нечто не обратило на них никакого внимания. Зарокотала заполошная стрекотня выстрелов, и «старые ворчуны» начали падать как подкошенные. Но недаром это была Старая гвардия. Невзирая на невероятные потери, гренадеры попытались пойти врукопашную. Нескольким из них удалось добежать до непонятной повозки, и они самозабвенно принялись тыкать в нее штыками. Как и ожидал император Франции, это не произвело никакого эффекта. Но судьба его гренадеров, лучших солдат подлунного мира, так и осталась для Наполеона невыясненной. Наперерез егерям

вылетело другое бесколесое чудовище и замерло, перегораживая дорогу. Рядом с ним остановилась небольшая четырехколесная повозка, размерами чуть поменьше обычного парижского фиакра. Вот только лошадей в нее впряжено не было...

Сидевшие наверху бесколесного кошмара солдаты вскинули короткие ружья с непонятными штуками посередине, и один из них, подняв руку, крикнул:

- Эй, фрицы, хенде хох!

- Мой бог, они что, считают нас вюртембержцами или саксонцами? - простонал кто-то из егерей.

- Хенде хох, суки! - повторил солдат, и его жест не оставлял сомнений в том, что именно произойдет, если кто-нибудь сделает вид, что не понял команды. Точно в подтверждение его товарищ поднял свое оружие, направил вверх, и оно разразилось целой серией выстрелов. Подавая другим пример, император вытащил из ножен саблю, бросил на землю и медленно поднял руки...

Завязь третья

14.00. Леса близ Рязани. 14.12.1237.

Сводный отряд из казачьего и егерского полков под командой полковника Первуновского, вместе с приданной ему батареей из двенадцати единорогов еще полчаса назад спешил на соединение с Русской армией по Старой Смоленской дороге, но, завернув за угол леса, вся колонна попала в туман, да такой густой, что двигаться пришлось чуть ли не на ощупь. Слава Богу, через час тот развеялся, но вот дорога куда-то запропала. Люди оказались в густом лесу.

- Эх, черт, заблудились. Корнет! Пошлите разъезд, пусть разузнают дорогу.

- Привал. Пока не разузнают дорогу - дадим отдохнуть лошадям. Да и нам перекусить не мешало бы.

Солдаты принялись за приготовление пищи, радуясь неожиданной передышке...

16.00. Рязань. 14.12.1237.

- Князь наш погиб! Вместе со всей дружиной!

Эта весть в мгновение ока облетела всю Рязань. Вздурораженные тяжелой вестью горожане собрались на площади перед Детинцем. Вопрос о том, биться или не биться - не стоял. Неведомых поганинов должно было отогнать от стен города, отстоять семьи и дома. Жители лихорадочно готовились к бою: таскали на стены камни и бревна, подносили дрова к котлам, в которых должны были кипятить воду и смолу, привечать врага. Городские кузнецы торопливо ковали наконечники стрел, наконечники рогатин, точили топоры и редкие мечи. Только вот биться было почти некому - большой полк poleg вместе с князем Юрием. Орда монголов под предводительством проклятущего Батыя всех положила. Но жители города сдаваться не собирались.

18.00. Леса под Рязанью. 14.12.1237.

- Господин полковник! Разведка вернулась! С ними местный.

- Сам вижу. А что это с ним такое?

Полковник Первуновский с удивлением смотрел на невысокого израненного человека в изодранной кольчуге.

- Ты кто таков, братец?

- Гридень я, князя Юрия Рязанского. Карась Шестаков.

Казак удивленно переглянулись. Гридень?

- Господа, господа! Обождите! Позвольте мне!

Вперед протолкался князь Петров.

- Родственник мой, советник Татищев, историей государства Российского увлекался. Ну и я вместе с ним. Милейший, вы с битвы?

- Ой, княже... Никто не уцелел. Тугары проклятые всех посекали. Их - тьма неслученая, а нас - горстка. Бились храбро, но сила солому ломит. Да и коварны они, аки нелюди...

- До Рязани далеко?

- Да верст, почитай, с десяток, если на восход идти...

- Раненого - в обоз. По коням!..

09.00. Рязань. 15.12.1237.

Утром, едва рассвело, с дубовых стен города раздался протяжный крик:

- Поганые! Поганые! Идут!

Из окружавшего Рязань леса одна за одной выезжали татарские сотни, топча белый снег, превращая его множеством копыт в грязное месиво. Кто-то из отроков испуганно произнес:

- Ой! Сколько их, дядька... Осилит ли?

- А коли не осилит, так мертвые сраму не имут! Понял?!

- Понял, дядька...

Внезапно с западной стены закричали:

- Смотрите, смотрите!

К стенам города приближалась стройная колонна высоченных воинов в невиданных доселе расшитых золотом корзнах на огромных конях. Следом за конниками спешил пеший отряд в долгополых одинаковых серых охабнях с короткими копьями за спиной. И в самом конце четверки лошадей тащили черные трубы на высоких колесах. Отряд быстро обогнул город и выстроился прямо на пути Орды. Квадрат пешцев ошетинился невиданными копьями, стал широкой стеной конный отряд. Вперед выкатили трубы на колесах. Все застыли в ожидании атаки...

10.00. Рязань. 15.12.1237.

- Господин полковник! Отряд к бою готов!

- Артиллерии - огонь плутонгами без команды. Первому плутонгу - картечь, второму - бить гранатами по дальним! Пехоте - держать каре. Стрелять только наперняка. Мы - ждем. Вопросы?

- Никак нет, господин полковник!

- С Богом, господа!

Дымились тонкими струйками фитили единорогов. Артиллерия ждала команды. Застыли пехотинцы в ожидании атаки. Казаки еще и еще раз проверяли свои пистолеты и карабины. Наконец со стороны монгол донесся гнусавый звук трубы, тут же прерванный чистым серебряным голосом горна.

- Приготовиться...

Громкий вопль «Уррагх!» донесся со стороны Орды, и вот уже нестройной стеной, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее набирая скорость, всадники рванулись к небольшому отряду...

- Пали!

Слаженно рывкнули единороги, враз выбросив снопы картечи. С визгом массивные пули врезались в плотную стену врага, проделав широкие просеки в их рядах. Вопль ужаса раздался оттуда. В задних рядах взметнулись фонтаны разрывов. Пушки пробанивали снегом, и через несколько мгновений залп ударил вновь, а затем еще раз. Все пространство перед ними было завалено мертвецами и ранеными. Сотни корчащихся врагов в ужасе призывали небеса, но страшные огнедышащие чудовища ревели вновь и вновь. Те, кто успел приблизиться, попали под слаженный залп пехотного каре. Это было не менее жутко, чем пушечный огонь. Перед отрядом Первуновского татары громоздились кучей. Жуткая мешанина человечины, бьющихся лошадей, таскающих по снегу вывернутые внутренности... Из-за пролитой крови не было видно, как начал таять снег. Татары попятились...

- Артиллерии: всем плутонгам - огонь гранатами!

Замолкшие было орудия заговорили вновь, разнося взрывами в клочья шатры, установленные на холме возле леса. Взрыв разнес на куски группу пестро и пышно одетых татар возле самого богатого шатра. Тут же вопль ужаса раздался со стороны татарского войска...

- Когось большого прихлопнули, дядька! - сообщил молоденький канонир пожилому фейерверкеру Кузьмину, невозмутимо посасывающему свою носогреюку. Тот лениво кивнул:

- Сейчас казаки разберутся: кто пришел, зачем пришел. В кого попали, а кого убили. Наше дело - стрелять и помирать, а в кого и за что - господин полковник знает...

Вновь донесся чистый серебряный звук, и по его сигналу казаки пришпорили коней.

- В атаку!..

1238. Синяя Орда.

- О, Великий и могучий. Твоей Орды, ушедшей к последнему морю, больше нет. Изничтожена она воинами неведомыми, оружием громовым. Пал великий Бату-Хан вместе с воинами своими. Все пали в земле урусов. Лишь меня одного отпустили они, чтобы принес я весть тебе: не ходи в Землю русскую со злом, не вернешься!

Гонец положил к подножью трона свернутый в трубку лист пергамента, запечатанный полковой сургучной печатью полковника Первуновского...

Завязь последняя

Заря. Велиград. III тысячелетие до н. э.

В городище было шумно и бессонно. Ревела скотина, согнанная в огромный гурт посреди торжища, плакали дети, подвывали бабы и девки. Всю ночь в Велиград тянулись беженцы, отступавшие перед страшными людьми бронзы – уладами, как они себя называли. Многочисленные находники, прикрыв тела непроницаемой бронзой, укрывшись за высокими щитами, шли по землям славян нескончаемой рекой, точно лесные мураши. Гордые мужи-родовичи пытались биться, но слишком неравны силы: несть числа врагам, да и кость с кремнем не стоят супротив бронзового лезвия. Последней надеждой стало городище – Велиград у излучины полноводной Раны, обнесенный могучим палисадом. Да еще там, на пути у вражьей силы, встала заслоном невеликая ватажка сварожьих витязей во главе с Колаксам-жупаном. Крепки их топоры и глаза зорки, могучи луки и сильны ратовища, но мало их, совсем мало.

Старый Белегост послал-таки в дозор двух уных донести, когда сломят колаксамевых улады, дабы вовремя задвинуть бруссы на заслоне тына и отгородить людей от находников. Теплилась еще надежда у старика, что не почнут чужинцы града искать, не отважатся лезть на раскаты и тын, а пройдут далее, беря лишь малое мыто с неуспевших укрыться. Тешил себя старый надеждой, хоть и понимал мудростью прожитых зим, что не оставят городище враги, что не упустят такой добычи...

- Дядька Белегост, дядька Белегост! – ссыпались с раската двое пострелят. – Поди-ка, взгляни: с дальней пади неведомые вои идут!..

Рассвет. На полночь от Велиграда. III тысячелетие до н. э.

Тысяцкий Первун Коловрат остановил коня. Злая кулла нанесла такой туман, что ни зги не видать. Сзади стояли рядами пронские комонные витязи, далее теснились пешцы – земские ратники.

- Де ж путь? – тысяцкий повернулся к брыньскому стрелку, взявшемуся указать короткую дорогу до Рязани. – Князь Юрий ждет

- Прости, боярин Первун, – стрелок комкал в руках шапчонку. – Зришь сам, путя нет. Должно, хозяин водит.

При упоминании о лешем Первун перекрестился и зашарил по броне рукой, пытаясь сжать в ладони ладанку. Видно, прогневили лесного Хозяина. Может, заповедную опушку истоптали, а может, кто из воев ненароком мавку увидел, вот и сердится отец за красу дочери...

- Бермята, – Коловрат обернулся к десятнику, – возьми своих, да на вороп – поищите пути-дороги. Да сторожко там смотри: не ровен час – на поганных наскочите.

Тысяцкий смотрел, как растворяются в тумане вершники Бермятова десятка, а голову томили тяжкие думы. Брат Евпатий послан князем Юрием в Чернигов просить помощи у наследников Ольговой славы, но то ли добудет, то ли нет – неизвестно. А он, дурной, завел подмогу пронскую в глухомань неведомую.

- Боярин, боярин! – из тумана вынырнул Бермята с двумя своими. – Чудное дело, боярин: выходили с Пронска – зима ж была, снегу по лядвии, а тут – грозник, не иначе. Травы зелены, птахи поют...

Первун и сам почувствовал, как с неба дохнуло жаром, обдало летним теплом. Да уж, зима ушла куда-то вместе с дорогой... Стоявшие в задних рядах потихоньку садились, снимали поршни и лычницы, сматывали с ног теплые портянки. А иные уже начали тянуть с плеч брони, чтобы снять из-под железа полушубки или теплые шерстяные срачицы.

Такое нужно было пресечь и немедля. Железо на голую грудь не носят, и, повинувшись жесту тысяцкого, негромко ругались десятники, заставляя нерадивых вздевать брони, не скидывать с плеч щитов, не класть рогатин.

Туман помаленьку рассеивался, и стало видно, что на полдень лес реже. Туда же убегала проторенная волокушами дорога. Пустив вперед два десятка вершников, Первун сторожко повел свои сорок сотен навстречу неизвестному...

Утро. На закат от Велиграда. III тысячелетие до н. э.

- Молви еще раз про находников, отрок, – Первун наклонился к поводырю, юному парнишке в простецкой сермяге, – говоришь, комонных нет у них?

- Колесницы лишь, – быстро отозвался поводырь.

Он с опаской посматривал на удивительных союзников, явившихся из неслыханного града Пронск, на их темные одежды, непроницаемые для стрел и копий, их страшное оружие, что в один удар сметает сосенку толщиной в ногу взрослого мужа. Он сам видел, как жупан чужих воев показывал Белегосту их силу. Потому-то ему очень не хотелось сбиться с пути, потерять дорогу. Хотя чужаки вроде добрые – один из пеших воев угощал малых несмышленишей сладкими кокурками, пока вожак вел беседу со старейшими града. Только добрые-то они добрые, а сердить их не стоит. Но слава Свентовиту – путь никуда не терялся. Скоро уже, скоро появится ватажка Колаксай...

Увидев ратников, стоявших на широкой поляне, Первун чуть было не расхохотался в голос. Вот уж витязи, нечего сказать. Вместо брони – толстые кожаные одежи с дубовыми тесовинами на груди, вместо мечей – тяжкие ослопы с бугристыми шарами капа на концах. И числом – не более двух сотен. А коли не врал старый волхв, то находников – не менее тридцати сотен. А то и целая тьма.

Из рядов велиградских витязей вышел муж, лицом и обликом – вождь. Оглядел пришлецов, молча стянул с головы бобровую шапку, поклонился в пояс.

- Колаксай, жупан здешний.

- Первун Коловрат, тысяцкий рязанской рати. На подмогу пришли к вам, братие.

Жупан замороженно смотрел на выходящие из лесу пронские, колпские, городецкие сотни.

Неверящим голосом, но с той безумной надеждой, которая бывает лишь у смертельно больных, переспросил:

- На подмогу? К нам?

Его лицо просияло. Он стянул с пальца золотое жуковинье, даже не ромейского, а куда как более древнего мастерства, и протянул Первуну:

- Бери. Коли выживем да не побрезгуешь – братом будешь.

Коловрат спешил, с поклоном принял подарение и, чуть подумав, протянул Колаксаю длинный подседельный нож-атаган.

- Прими, братец названный...

...Разговаривать было сложно, ибо язык у витязей хоть и похож был на речь русичей, да уж больно древний. Еле-еле три слова на четвертое поймешь. Но уяснили однако ж, что идут находники-улады правильной ратью, князья их, сиды, в колесницах едут, а простые ратники – на своих двоих топчут. Оружны мечами, да не железными – бронзовыми, и топорами. А броня у них вовсе плохая – так, только грудь и покрывает.

Вызнав все, что можно, Первун распорядился стрелкам-лучникам растянуться вдоль кромки леса, а витязей пронских да тех, что получше оружены из земцев, сбил в единый кулак под прикрытием дерев. Теперь оставалось только ждать. О, вот уже топот копыт, уже вылетели на поле комонные наворопники, орущие на скаку:

- Идут! Ой, идут!..

Полдень. На закат от Велиграда. III тысячелетие до н. э.

Гнатал, сын Конрота, сына Энгуса, сына Роде, вел своих воинов на восход. Жирные коровы и мягкие девушки, наливное зерно и сладкий мед, отборные меха и желтое масло есть у червей, обитающих в этих лесистых землях. А у сынов уладов в их бесплодных горах нет ничего. Тощи их нивы и тощ их скот, и зимой приходится выносить новорожденных девочек в снег, ибо не может род прокормить лишние рты. Но зато Светлые Боги открыли уладам секрет дивной бронзы и научили правильному бою. А черви из лесов не могут биться как подобает людям – ровными рядами и на быстрых колесницах. И потому их добро станет добычей тех, кому благоволят Светлые Боги.

На широкое поле выезжали колесницы. Фаль, сын Эоху, ударил по струнам прорезной арфы и сильным чистым голосом запел песнь боя. Подхватив знакомые слова, воины, потрясая топорами, двинулись вперед, туда, где жидкой цепочкой стояла невеликая рать червей...

В песню вплелся неясный звук, похожий не то на гадючье шипение, не то на посвист малиновки. И сразу же со всех сторон донеслись крики. Колесничий самого Гнатала взвыл истошным голосом и рухнул навзничь. Из глаза у него торчал короткий оперенный дротик, а еще добрый десяток таких же впился в плетеные борта колесницы.

Гнатал ошарашенно завертел головой. Его воины, сильные крепкорукие мужи, умирали, точно лесные птицы под стрелами охотников. Но разве это стрелы? Гнаталу с большим трудом удалось вырвать одну из таких стрел из щита, и он поразился ее длине и тяжести. И самое главное – наконечник был не из камня и не из кости. Но и не из бронзы! Король уладов в изумлении смотрел на небесный металл, тот, что стоит в семь раз по семь дороже бронзы. У

самого Гнатала был кинжал из небесного железа, но ковать из него наконечники?!

Оставался единственный выход: броситься сразу всеми колесницами, достигнуть лучников и раздавить их. Пока девять десятков колесниц будут давить непокорных червей, уцелевшие из семи тысяч пехоты смогут собраться и помочь своим вождям-сидам в бою.

Гнатал поднял вверх широкое копьё и закричал, призывая уладов в атаку. Набирая скорость, по полю покатались колесницы...

- ...Смотри, боярин, - Бермята показывал на мчащиеся колесницы, - вот они бок и открыли.

- Пора, - решил Первун и закричал грозно: - Русь! Русь! Русь!

- На слом! На слом! - грозным ревом отозвались пронцы, пуская в намет коней...

...Гнатал увидел, как из леса к ним устремились воины, сидящие на конях верхом. Это было невозможно. Лишь в древних преданиях рассказывалось о неистовых Ши-Скифах, что владели даром езды на конской спине. Неужели черви призвали их себе на помощь? Возле его колесницы возник всадник. Гнатал отбил щитом древко копья, ударил мечом и с радостью увидел, как падает с седла ненавистный червь. Он хотел выкрикнуть крик победы, но в этот миг что-то невыносимо тяжкое обрушилось на голову короля уладов. Последнее, что он успел увидеть, были толпы бегущих, которых топтали и били страшные конники.

Вечер. Велиград. III тысячелетие до н. э.

- Как, говоришь, звали твоего жупана? - Белегост прислонил к уху иссохшую морщинистую ладонь.

- Первун, - повторил Бермята погромче. - Первун! Только не жупан он был, а боярин.

- То не важно, - Белегост пошамкал беззубым ртом и произнес: - На поляне с нашими богами его поставим, Перуна твоего. Народу спаситель, земле-матери - защитник...

Вершина

14.00. Красный Яр. 12.07.2013.

Медленно-медленно возвращалось сперва осязание, потом зрение, потом слух. Барятинский поднял глаза: рядом мельтешила рыжая голова заморского напарника. Вместе с ним они сделали множество замеров, взяли пробы воздуха, воды и почвы, наловили кучу насекомых, набрали больше сотни образцов растений. А в мудрых книгах писали, что мезозой - страшная и скучная эра. Куда там! Столько приключений! Да и напарник оказался совсем неплохой парень! Владимир задумчиво почесал в затылке: странно, но ему почему-то казалось, что он за что-то взъелся на рыжего заморского физика. За что? Да ладно, это теперь не важно...

Старик Каспарянец со слезами на глазах долго обнимал вернувшихся времяпроходцев, а потом набежали все остальные, подхватили их и начали качать, высоко вскидывая к сводам. Подлетая в очередной раз, Барятинский увидел Олесю Дубовяк, восхищенно смотрящую на них, на него, и сердце сладко зануло. Но вот, наконец, их отпустили и тут же передали в руки здравоохранения. Окончился осмотр, подтвердивший, что оба путешественника здоровы, и Владимир, мучимый жаждой, смог наконец добраться до вождя-автомата, о котором он мечтал с момента старта.

В прорезь упали монеты, внутри агрегата что-то загудело, зажегся свет...

- Эй, друже-братие, - по спине хлопнула могучая рыжешерстая длань. Запотевшая посуда кваса, которую чудо-механизм обменял на два шелега, чуть не улетела из рук Барятинского.

- Ну, полегче, полегче, медведь заморский. Вот же, чудушко, откормили тебя в вашей Снежнороссии.

Шелест Хлынов, выпускник Массачусетской вездари, громогласно расхохотался.

- Эк тебя на квасок потянуло. А по мне, - он повернулся к другому автомату, кинул в прорезь резану и подхватил источающий ароматный пар кубок, - слаще сбитня нет ничего!

- Ну, вы, - Жереба Блазень, старший среди снежноросских вездаров, подкрался неслышной барсьей поступью и теперь смотрел на обоих, уперев руки в бока. - Такое дело надо не квасом-сбитнем отмечать, а медом стоялым. Вот сейчас очухаетесь, и все пойдем в корчменную, отметим успех наш. Всех зову!

Остальные, бывшие в Ведуше Красного Яра, при этих словах приветственно загомонили, лишь кто-то грустно произнес:

- Не могу я - у брата старшенький сегодня по первинам чрез огонь прошел. Брат пир собирает...

...Барятинский шагал вместе со всеми в радостной и ликующей толпе. Слава Перуну, еще одну тайну у природы взяли и не заплатили за нее рудой. Теперь можно и в стольный град, в самую Братиславу ехать, хвастать достигнутым. Старый вездар Каспарянец шел в толпе своих молодых соратников, отпустив домой служебный самобег. Любит Каспарянец мед - еще бы, у них-то, в Урарту, вином стоялым празднуют. Таким и упиться недолго...

Он слушал восхищенный щебет висевшей у него на руке Олеси и прикидывал, что водимая из нее будет - лучше не надо. Вот соберет к лету вено, да и сыграют свадьбу.

Но в голове билась еще одна мысль, вот уже день, почитай, свербела. Не выдержав, он поднял шуйцу, призывая внимание:

- Братие, сестрие, ради светлого Перуна, скажите: что есть «Брэдбери»?

Услышав незнакомое слово, вездары русских земель удивленно переглянулись...

Второе пришествие

2005 год. Зачатие

Они уже не помнили, кому первому пришла в голову эта светлая идея. Тот день, а вернее, та ночь, когда из автоклава был извлечен настоящий, живой котенок, созданный из клеточного материала кошки, пошедшей на чучело в зоомагазине, вообще осталась в их памяти какими-то кусками. Они так долго хлопали друг друга по спинам, что чуть было не подрались. Два молодых ученых-биолога из тех, что именуются «подающими большие надежды», Ивлев и Пржевальский, закадычные друзья еще с института, резвились как малые дети. Новорожденного котенка теребили и тормозили до тех пор, пока едва только не угробили. А потом наступила релаксация. Они курили: Ивлев - откинувшись на спинку стула и закинув

ноги на стол, Пржевальский – валяясь на кушетке и сыпя пеплом на пол.

- Слушай, Серега, а ведь теперь надо бы и на человеке попробовать, – задумчиво сказал Ивлев.

- Ага, – согласился Пржевальский, пуская колечки дыма, – вот я ща помру от переизбытка чувств, а ты, Саня, меня воскресишь и вырастишь.

- Да нет, я серьезно. Представляешь: взять покойника и проверить – тот же человек вырастет или нет. По дрозofiлам сходится, по позвоночным – тоже, а по приматам?

- Ага, – снова согласился Пржевальский, – а для чистоты эксперимента возьмем Чикатилу. По нему сразу видно будет – маньяк или нет. В смысле, удалось или нет.

- Нет, давай лучше мою бабушку возьмем: я ее хорошо помню.

- И в детстве тоже?

- А кого тогда?

- Наполеона. У него вся жизнь только что не по минутам расписана. Сравнивай – не хочу.

Ивлев задумался, а потом сказал, что французы Наполеона не дадут. Хотя, конечно, нужно-то всего полграмма ткани, но дело это сложное. Пржевальский, заинтересовавшись, предложил связаться с коллегами, обслуживающими мавзолей, и взять ткани Ленина. Идея была хороша, но приятели вспомнили, что реальной биографии Ленина нет и быть не может. «Раньше был совсем белый, сейчас стал совсем черный, а серого – нет!» – подвел черту Пржевальский. И они снова стали думать и выбирать...

...Сперва кандидатура показалась выдвинутой скорее в плане юмора. К тому времени уже были перебраны и забракованы Пирогов и Гагарин, Курчатov и Ландау, Петр I и Екатерина Великая. Но, тщательно все обдумав, друзья решили, что идея заслуживает внимания. Затем, в течение недели, они искали способ добыть вождельный образец. И, наконец, вот он – сморщенный кусочек, залитый формалином, обошедшийся в нечеловеческую сумму – 2 000 долларов США. Продавший его смотрел на Ивлева и Пржевальского сочувствующим взглядом, каким смотрят на людей «с мухами». Дурачкам понадобился образец, срез ткани – на здоровье! Но друзьям было наплевать на такие взгляды. Опыт начался.

2006 год. Рождение

- Вот, забирайте вашего богатыря, – медсестра подала Пржевальскому пищащий сверток.

Не удержавшись, он отогнул краешек одеяла и взгляделся в крохотное багровое личико, ища знакомые по фотографиям черты. Разумеется, напрасно. Умом он понимал, что найти сходство у новорожденного с тридцатилетним мужчиной невозможно, но все-таки ужасно хотелось увидеть хоть что-то, хоть какие-то приметы.

- Ну, – Ивлев протянул ему руку, другой открывая дверцу автомобиля, – что, отец-одиночка, поехали домой. Ты как, новую хату для ребенка подготовил?

- А как же, – Пржевальский достал сигарету, но, вспомнив о ребенке, стал заталкивать ее обратно в пачку. – Все в порядке. Только непривычно чуток в двух комнатах после четырех...

Чтобы решить вопрос с регистрацией ребенка, Сергей продал доставшуюся ему в наследство от

деда четырехкомнатную квартиру в самом центре и перебрался в стандартную малогабаритку-двушку. Зато теперь у ребенка есть непробиваемые документы, согласно которым его мать, никогда не существовавшая супруга Пржевальского, умерла во время родов и отец – Сергей Пржевальский, отказавшись от «помощи» государства, забрал ребенка себе.

- Слушай, Сань, я вот только думаю, – Пржевальский озабоченно покрутил головой, – мы его с тобой на этих искусственных смесях не угробим? Может, кормилицу?

- У тебя с головой все в порядке? – Ивлев оглядел друга с беспокойством. – Это где ж ты в XXI веке надумал кормилиц искать?

- Ну все-таки, нет у меня доверия этим питаниям. Мать говорила – я до года грудь сосал...

- И это говорит кандидат биологических наук! Как не стыдно повторять бабкины домыслы?!

- Знаешь, все-таки по бюллетеню мне с ним сидеть! Черт с ним, у меня от квартирных еще кой-чего осталось, попробую кормилицу найти.

В квартире друзья уложили ребенка в детскую кроватку, вытребованную Ивлевым у своей доверчивой сестры, и перевели дух.

- Ну что – лиха беда начало? – сказал Александр, доставая бутылку советского шампанского. – Давай, папаша, доставай бокалы, отметим это дело...

Сергей принес два фужера, бутылка в сильных руках жалобно пшикнула, звякнул хрусталь... И в этот момент из детской раздался крик. Ивлев вздрогнул:

- Слушай, Серега, – произнес он через минуту, – а тебе не кажется, что у него какой-то злобный крик?

- Какой еще злобный? – Пржевальский лихорадочно метался по кухне. – Тебя бы в ковер завернули и жрать не давали – ты б тоже, небось, матюгами орал. Где грелка для бутылки, ты не видишь? Б..., куда я ее сунул?!

2012 год. Детство

- Николай! Брось сейчас же! Я кому сказал, брось!

- Пап, а у нас в группе одна девочка в цирке была. Там носороги ученые и крокодилы...

- Врет твоя девочка! Носороги практически не дрессируются, а крокодилов не мог приручить даже Дуров! Вот мы с тобой сами сходим в цирк – сам все увидишь. Колька, давай-ка, брат, побыстрее, а то если папа опять на работу опоздает, то нам не то что на цирк, а и на хлеб денег не хватит... Здорово, Саня! – Пржевальский замахал рукой Ивлеву, высунувшемуся из машины.

- Здорово, святое семейство! Отец, сын, а я – ваш дух святой! Садитесь, подвезу.

- Это здорово, а то мы уже опаздываем.

- Дядя Саша, а почему у машины, когда мотор работает, колеса крутятся, а у компрессора – нет? А я вчера новую песенку сочинил, хочешь послушать? Пап, ну, пап, а если сто мышей нападут на кота, кто победит?

- И так – все время! Ты себе не представляешь, как это утомляет...

Отведя Николая в садик, Пржевальский сидел в машине и негромко жаловался на свою тяжелую жизнь. Ивлев гнал машину – они действительно опаздывали.

- И самое удивительное – ничего еще не заметно! А ведь уже хоть что-то должно было проявиться...

- Да? А то, что шестилетний ребенок складывает пятизначные числа – это нормально? А какую он музыку сочиняет!

- И что? В его возрасте я сам складывал тысячи. И мотивчики такие же сочинял. Вообще я бы сказал, нормальный ребенок, без каких бы то ни было признаков особенности и гениальности.

- И что теперь? – Ивлев почесал нос. – Будем считать, что эксперимент не удался? Наверное, так будет лучше. К тому же, я тебе не хотел говорить: жена мне нашла место... ну, новое. Науки никакой, но денег – втрое. Так что, может, оно и к лучшему, а?

- Знаешь, Сань, я тоже хотел сказать, что перехожу на другую работу. В институте гроши платят, так что хрен с ней, с наукой...

- Ну, чего тогда, давай-ка вместе с парнем к нам в субботу, отметим окончание эксперимента...

- ...Дети, мне нужно отойти по делу. – Воспитательница Наташа, молодящаяся тетка неопределенного возраста, торопилась: ее ждал новый ухажер. – За порядком пока последит Коленька Пржевальский. Коля, я на тебя рассчитываю...

Группа притихла. С Колькой было лучше не связываться: он дрался так, как будто в последний раз. И умел поддерживать порядок...

2024 год. Начало

Сергей Николаевич Пржевальский, скромный менеджер ООО «Сигма+», шел домой. Сегодня была зарплата, и в кармане у Сергея Николаевича был его месячный оклад – 32 000 рублей. Плюс премия – еще 20 000. «Надо будет Кольке новый телефон купить, – рассуждал Пржевальский, – а то ходит со стареньким «Siemensом». Небось, перед девчонками неудобно... Однако можно было бы и фонарь повесить, а то темно как у негра известно где...»

Задумавшись, он не заметил, как дорогу ему заступили несколько подростков. Пржевальский обнаружил их только тогда, когда один из окруживших его юнцов нарочито хрипловатым голосом спросил:

- Слышь, мужик, на пиво не добавишь?

- Ага, и на водочку с закусточкой, – явно издеваясь, добавил другой. – Ну, давай, давай, дядя, не жмись. Бог велел делиться, не слыхал?

«Во влип!» – облился холодным потом Сергей. Не так страшно то, что отнимут деньги, хотя это тоже очень плохо. Страшно другое: искалечат или даже убьют просто так, рисуясь своим молодечеством. А с кем же тогда Николай останется?

- Ребята, – голос звучит неестественно глухо, – ребята... Пары сотен хватит? – жалкая улыбка, чуть склоненная голова, – у меня больше нет...

- Проверим, – подростки, опьяненные своей силой и безнаказанностью, уже хватили его за

руки, грубо шарили по карманам...

- Стой, братва, стой... Эта, типа, прощенья просим, ошибочка вышла. Не признали, Сергей Николаевич, эта, извиняемся... Тут темень, ва-аще, ни х... не видно, своих не узнаешь. Вы тока не подумайте чего, мы ж так, попугать, а бабла нам нафига не надо - капуста, в натуре, имеется... Мы пойдём, ага?

- Ага... - только и сумел сказать Пржевальский.

Он ничего не понимал, но попытался уйти с достоинством. Уже сворачивая за угол, он услышал голоса:

- И чего, Март, зассал? Чего козла отпусти... - вопрос прервался звуком удара.

- Ты, б..., за базаром следи, баран. Это, - голос понизился, но Сергей Николаевич все же расслышал, - это - Коляна отец, понял, урод? Тебе с Коляном объяснялово надо? Мне - на х... не надо...

...Пржевальский вошел в квартиру и с порога крикнул:

- Сынок, привет. Я пришел.

- Привет, бать, - из комнаты вышел сын.

Невысокого роста, одетый в старенькие домашние джинсы, он казался таким домашним, таким тихим, что Пржевальский невольно успокоился. В конце концов, совсем не обязательно, чтобы сын был драчуном или, того хуже, главарем этих питекантропов. Очень может быть, что эти оболтусы просто списывают у Кольки уроки и боятся, что лавочка закроется...

- Представляешь, - Сергей Николаевич поставил сковородку на плиту и теперь выбирал яйца для вечерней глазуньи, - меня сейчас какие-то обормоты чуть было не ограбили. Накрылся б тогда твой новенький мобильник, мне ж сегодня еще и премию дали...

- Кто? - сын перестал резать колбасу и пристально смотрел на отца, слегка закусив губу. - Ты не знаешь, кто?

- Да нет. Какие-то подонки из нашего дома. Один из них, Март у него кличка, узнал меня. Вот и отпустили.

- Хорошо. Это Андрюха Майский. Его все Мартом зовут. Со мной в школе учится.

- Вот поэтому, видимо, и отпустили...

- Ага, - сын встал из-за стола, - пап, я сейчас. Ты извини, я позвонить забыл...

Сергей Николаевич занялся ужином и не услышал, как сын, плотно затворив за собой дверь, тихо выговаривал в трубку: «Март? Зачем около дома? А я где сказал? Хорошо, пусть тебе будет стыдно...».

И, конечно же, он не знал, что после разговора с тихим и вежливым Колей Андрей Майский - Март долго сидел, содрогаясь от ужаса, и жалел только о том, что нет у него родственников в другом городе, куда не доберется Колян Пржевальский по кличке Абрек...

2040 год. Сила

На кладбище было грязно, мокро и уныло – как и положено на кладбище. Александра Ивлева хоронили скромно. Когда разошлись немногочисленные коллеги и знакомые, у свежей могилы остались четверо: вдова с дочерью и Пржевальские – отец и сын. Сергей Николаевич подошел к Светлане, вдове Ивлева, и чуть приобнял ее. Светлану он знал уже очень давно – они были знакомы по институту. Ивлев женился тридцать лет назад, но супругу свою знал долго и ухаживал за ней еще в студенческие годы.

– Света... – интересно, что еще можно сказать, когда глупо и бессмысленно погибает человек, еще не слишком старый, и для его жены все обрывается со смертью того, кто был дороже всех? – Света, мы с Николаем поможем, если что...

Николай Сергеевич, стоявший чуть в сторонке, услышав отца, молча кивнул. А потом снова повернулся к Наташе, дочке Ивлева, которая тихонько рассказывала ему, что отца сбила пьяная девчонка, не справившаяся с управлением дорожущего «Lexusa».

– ...А опер нам сказал, что расследование установило, что у отца сердце остановилось прямо на дороге. И девица эта уже на мертвого наехала. – Наташа сжала кулачки. – Конечно, тот, кто своей подстилке эту тачку подарил, тот и в милиции отмазал...

– Как, ты сказала, фамилия того опера, который дяди-Сашино дело вел? – поинтересовался Пржевальский-младший.

– Рублев, старший оперуполномоченный капитан Рублев. Только я не говорила. – Наташа бледно улыбнулась. – Я тебя, Колька, всю жизнь знаю и сколько знаю – ты никогда ничего не забывал.

– Ага, – Николай тоже улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, успокаивающая. Потом он скорчил страшную гримасу и трагическим шепотом провыл: – Отдавай назад моего медвежонка!

Невзирая на тяжелую утрату, Наташа Ивлева тихо прыснула – она вспомнила, что, когда ей было лет пять, она забрала у Николая, к тому времени солидного пятнадцатилетнего джентльмена, забавного лохматого медвежонка. Это было ее едва ли не самое первое связное воспоминание. Николай тогда очень сердился: медвежонок был ему чем-то дорог, но потом остыл и никогда больше не вспоминал об этом. И вот, через семнадцать лет...

– Товарищ оперуполномоченный Рублев? Здравствуйте. Это Пржевальский Николай Сергеевич. Петр Иванович должен был вас предупредить... Очень хорошо. Скажите, пожалуйста: почему заключение экспертизы по делу Ивлева не доступно? Не знаю, сказали, что его нет. А кто проводил вскрытие и сделал заключение? Странно, он утверждает, что этого не делал... Вы знаете, товарищ Рублев, по-моему такое поведение называется двурушничеством... Хорошо, пусть вам будет стыдно...

...Когда через полгода посадили не только юную любовницу директора крупного банка, но и ее патрона за попытку подкупа должностных лиц, в СМИ появились статьи о принципиальности следственных органов и прокуратуры. Действия старшего оперуполномоченного Рублева и следователя прокуратуры Синявского оценивались как смелые, решительные и волевые. МВД и прокуратура развернули могучую PR-кампанию, которая должна была показать неподкупность и верность закону обеих структур. Общего ликования не разделяли только сами виновники торжества. Рублев и Синявский почти одновременно легли в больницу с диагнозом «нервное истощение». Рублев не мог спать, так как в темноте он снова и снова видел окровавленных жену и дочь, у которых, прямо на его на глазах, медленно отрезал куски тела страшноватый

тип по кличке «Ежов». Прокурор же Синявский плохо переносил свой кабинет да и любое замкнутое пространство после того жуткого отпуска, который он провел в чем-то подвале...

- Прикинь, брателло, это ж надо было, такой прикол...

- А че?

- Да тут одна сикаряха баклана даванула...

- Ну?

- Че ну? У сыкухи - папик при делах. От ментов отмазал, и типа все в шоколаде!

- Ну и че тут прикольного? Ну понятно, папик пробашлял и чики-пики.

- Ага. Только прикол в том, что баклан этот, ну придавленный, был так, по мелочи, дяхан самого Абрека.

- Че, в натуре?

- Зуб даю. Кентяра один рассказал, что на зоне этого папика враз запетушили, а сикаряха ща на все зону пашет. В ночную смену...

- Прикол, мля! От ведь: Бог - не фраер, он все видит...

2055 год. Власть

- Скажите, господин президент, как Вы относитесь к результатам выборов в России?

- В первую очередь я должен подчеркнуть, что выборы в России - это, безусловно, внутреннее дело самой России. Однако мы не намерены оставаться в бездействии, когда в стране, имеющей ядерное оружие, к власти пришли экстремистски настроенные лица. Программа президента Пржевальского, человека с весьма неясным, криминальным прошлым, провозгласившего курс на восстановление Советского Союза, представляется провокационной не только мне, но и всем честным людям Америки и Европы.

- И какими Вы видите будущие отношения с Россией?

- В первую очередь именно на нас, американцев, сейчас ложится важнейшая задача по сохранению и поддержанию демократии в странах, где сильны экстремистские, античеловеческие тенденции. К моему глубокому сожалению, Россия в настоящий момент вызывает у нас серьезные опасения. Потому, резюмируя сказанное, я могу отметить, что наша политика в отношении России будет, в основном, зависеть от самой России. Если мы увидим, что, несмотря на амбициозные заявления, Россия остается страной, желающей интегрироваться в демократическом сообществе, то наши отношения, безусловно, останутся самыми добрыми. В случае же попыток со стороны нового правительства России растоптать демократические завоевания, с таким трудом полученные народом этой страны, мы, разумеется, будем вынуждены предпринять адекватные шаги.

- Большое спасибо, господин президент. А теперь нашим читателям было бы интересно узнать Ваше мнение по некоторым вопросам внутренней политики...

- ...Наталья Александровна, нам очень хотелось бы узнать: какие чувства Вы испытали, узнав,

что стали Первой леди России?

- Вы знаете, я, так же как и муж, не люблю этот термин. Что значит - Первая леди? Президентом выбрали его, а не меня. В этом отношении я скорее разделяю пример жен советских лидеров, которые считали дурным тоном появляться прилюдно вместе с мужьями. В конце концов, я человек, достаточно интересный сама по себе, чтобы не быть простым придатком, эдаким довеском к мужу... А если Вы имели в виду те чувства, которые я испытала, узнав, что Николай стал президентом... Знаете, наверное, лучше всего здесь подойдет слово «удовлетворение». Я очень давно, с раннего детства, знаю мужа как человека упорного, целеустремленного, справедливого и я действительно испытала удовлетворение от того, что власть в нашей стране досталась достойному человеку.

- Скажите, пожалуйста, а как восприняли это известие Ваши дети?

- Ну что Вам сказать? Конечно, они были очень рады за отца, но, с другой стороны, они понимают, что теперь он сможет уделять им значительно меньше времени...

- ...Че, козел, довыживались? Свой на власть, свой на власть! самка собаки, продал сразу всех. Мля буду - это еще тока цветочки... Спокойно, начальник, спокойно. Уже все нормалек - видишь, качу свою тачку...

2070 год. Триумф

Подписание капитуляции и дальнейшую мирную конференцию транслировали все телекомпании мира. Когда подтянутый американский генерал вошел в зал, он, видимо, ожидал, что его поприветствуют. Вместо этого маршал Муравьев лишь коротко бросил:

- Подпишите.

И минуту спустя:

- Мы вас не задерживаем...

Над развалинами Капитолия развевается алое знамя победы. Хмурые и обросшие американские и английские военнопленные строят новые здания в центре Москвы, восстанавливают развалины Киева, сильнее всего пострадавшего от бомбардировок, возводят новые города в Сибири и на Дальнем Востоке.

На XXXII съезде, открывшемся через месяц после подписания Соединенными Штатами безоговорочной капитуляции, Генеральный Секретарь Николай Сергеевич Пржевальский обращался к народу Всемирного Союза Советских Республик:

- Мы не хотели войны. Она была нам навязана, нарушив наши планы мирного развития Отечества. Но, как мы и предупреждали этих безответственных агрессоров, война, принесенная ими в наш дом, очень быстро вернулась назад к своим поджигателям. Сегодня, сейчас я хочу от всего сердца поблагодарить Великий и Могучий народ России, который в суровые дни испытаний не ломается, но расправляется как стальной клинок, готовый обрушиться на голову врага!

Пржевальский говорил негромко, но так внятно и отчетливо, что любое его слово было слышно даже в самом дальнем уголке огромного Дворца съездов. И тысячи людей, замерев, ловили эти слова.

- Я хочу поблагодарить и наших братьев - сильный, словно океан, китайский народ. Приняв мудрое решение об объединении наших усилий в борьбе с общим врагом, он влился в братскую семью, отринув мелочные обиды и дразги. Спасибо, братья, говорю я вам!

- И особенно в этот день мне хочется поблагодарить немецкий народ, единственный из всех европейцев самостоятельно решивший воссоединиться с Россией и Китаем. В прошлом мы не раз были врагами, но прошлое - пусть останется в прошлом! Впереди у нас с вами светлое будущее!

Многие из присутствовавших в зале впервые видели Пржевальского. То есть, конечно, его видели на фотографиях и даже иногда удивлялись: как странно иной раз шутит природа. Николай Сергеевич вовсе не был похож на своего отца, Сергея Николаевича, но зато на далекого предка, того самого Николая Пржевальского, похож как две капли воды. Некоторым счастливым удалось увидеть и даже поговорить с Вождем после заседания. На всю жизнь они запомнили эти мягкие движения, которыми он набивал табак любимую трубку, спокойный голос с легким акцентом и пышные, чуть тронутые сединой усы...

Москва, 2006 г.

Александр Романов

Оптимальное решение

За опущенными шторами на окнах кабинета стояла глухая осенняя ночь.

Сталин, сидя во главе стола, рассматривал разложенные странные предметы: телефоны, похожие на дамские пудреницы, и плоский, как альбом, прибор с откинутой крышкой со светящимся телевизионным экраном - персональный компьютер - и слушал старшего из гостей.

Пришельцы из другого времени - два парня и девушка, - одетые в обычную форму без знаков различия, ничем не отличались от их теперешних ровесников. Молодые, взволнованные лица рядовых советских людей, оказавшихся в Кремле. Все смотрели решительно, особенно девушка, и у всех во взглядах читалось исполинское значение того дела, что привело их сюда. Судьба войны. Судьба партии и страны. Победа или гибель всемирного коммунизма.

Сталин взял в руку трубку, но набивать не стал, а поднявшись из-за стола, окончание доклада... рассказа того, который называл себя Алексом, дослушивал, уже расхаживая неторопливо по ковру. Так ему было привычнее.

Несколько раз бросил взгляды на других присутствующих на этом совещании. Берия выглядел таким же решительным, как и его подопечные, интеллигентно поблескивая пенсне, но в отличие от них следил за вождем без излишнего волнения, хотя так же внимательно. Ишь, нашел себе Лаврентий помощников, решил поддерживать во всем - даже сюда притащил: значит, верит в открывающиеся возможности, готов рискнуть головой, без дураков...

Шапошников, выдернутый из Генштаба на ночь глядя, серый, с красными глазами, не столько слушал, сколько, сильно нахмурясь, рассматривал комплект карт с нанесенными подробностями боевых действий аж до сорок четвертого года. Начальника Генштаба можно было понять. Карты имели неслыханный гриф: «Только для пользования тов. Шапошникову. По исходу ситуации - уничтожить». Одни только эти карты ставили с ног на голову всю стратегическую ситуацию на всем ТВД советско-германского фронта...

Пришелец замолчал.

С минуту Сталин продолжал прохаживаться вдоль стены. Затем, остановившись, повернулся, шевельнув зажатой в руке трубкой.

- Что вы можете добавить, товарищ Берия? - спросил он.

Генеральный комиссар встал.

- Коба, - быстро и заметно (для Сталина) горячась, произнес он по-грузински: - Это для нас шанс выиграть все! Большой шанс! Они мало знают, но и этого достаточно! Политический расклад в Европе, то что Япония не нападет на нас, а кинется на Америку! Атомное оружие, эта их кибернетическая техника!.. Войну мы сейчас почти проиграли, но сможем выиграть в промышленной гонке! Это мое слово, Коба!

Сталин повертел в пальцах трубку. Увлёкся Лаврентий, увлекся... Увидел будущее и уже строит в нем планы. Да, чем-то эти ребята очень его к себе расположили...

- Не забывайте, товарищ Берия, - ответил Сталин по-русски. - Здесь не все владеют грузинским языком!.. Изложите, пожалуйста, ваше мнение для остальных присутствующих. И - без эмоций...

Лаврентий успокоился. Одернул гимнастерку и заговорил на русском:

- Я считаю, товарищ Сталин, что мы получили политическую и международную информацию... очень большого значения. Опираясь на нее, мы можем начать разработку действий стратегического характера. Так, чтобы по завершении войны быть готовыми к овладению мировыми рынками в тех их областях, которые будут определять международную политику в послевоенный период. Для этого нам сейчас уже известно достаточно, а в случае привлечения специалистов окончательный план мероприятий может быть разработан к концу текущего года. У нас все готово к началу предварительных изысканий. Требуется только ваше распоряжение, товарищ Сталин!

- Хорошо, товарищ Берия! Садитесь. - Старший из пришельцев хотел что-то сказать, но Сталин сделал ему знак подождать. - А вы что думаете по этому вопросу, Борис Михайлович?

Шапошников, оторвавшись от разглядывания карт, поднялся из-за стола и взглянул Сталину в лицо.

- У меня пока мало информации, товарищ Сталин, - ответил он, казалось, нимало не удивленный происходящим. - Здесь, - кивнул на карты, - довольно точно отображены места боев в ходе минувшей летней кампании... И такие же места на три года вперед. Есть информация по участвовавшим... и будущим участвовать в них частям, их приблизительной численности и оснащению. Но кроме ближайших обстоятельств сражения за Москву, все остальные данные для нас ценности не представляют. Генеральному штабу жизненно важна реальная информация - оперативные данные о концентрации немецких войск по фронту и в глубину, графики их перемещений, объемы и обстоятельства снабжения войск, планы штабов, хотя бы начиная с дивизионного уровня... Ничего этого здесь нет. И, как я понимаю, получить их... данным способом не представляется возможным. В таком... разрезе я не вижу, чем в данных обстоятельствах эта информация может пригодиться сейчас, товарищ Сталин.

Старший из пришельцев опять хотел что-то сказать, и снова Сталину пришлось попросить его

жестом остановиться.

- Ви слышали, - сказал он, возвращаясь к столу, - что сказал Борис Михайлович? А он у нас очень грамотный специалист в военном деле. Товарищ Берия, - Сталин бросил взгляд в сторону Лаврентия. - Товарищ Берия несколько излишне... оптимистично отнесся к оценке известных вам обстоятельств... Он не специалист.

- Но, товарищ Сталин!.. - не выдержал пришелец. - Ведь мы!..

- Не будьте так настойчивы, товарищ Алекс, - перебил его Сталин. - Ми очень внимательно выслушали ваш... рассказ. Товарищ Берия проверил все ваши обстоятельства... какие смог проверить. У нас нет сомнения в ваших словах и в вашем желании помочь Советскому Союзу в его борьбе... Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков высоко оценит полученную от вас информацию. Но лучшее, что на данный момент мы можем предпринять на основе ваших данных - это не предпринимать никаких действий. Вам понятно, почему?

- Нет... - удивленно ответил пришелец.

Сталин помолчал, ожидая еще каких-нибудь слов, потом заговорил снова:

- Скажите... товарищ Алекс... Что можно сделать на основе ваших сведений?

Алекс бросил взгляд в сторону Шапошникова, уже переставшего разглядывать карту. Потом снова посмотрел на Сталина.

- На основе имеющихся данных, - сказал он упрямо, - можно хотя бы построить нормальную оборону Москвы!

- Очень хорошо, товарищ Алекс, - Сталин кивнул. - Можно построить оборону Москвы. И выиграть это сражение с большим эффектом, чем... это известно вам. Так?

- Ну, так...

- Следовательно, это изменит стратегическую обстановку на всем центральном направлении. И - как следствие - на остальных фронтах тоже. Так?

- Да... - признал Алекс, начав понимать, к чему клонит вождь.

- А это означает, - продолжил Сталин, - что изменятся и исходные условия для всех последующих операций войны. И все события на ней пойдут уже не так. И значит, то, что нанесено у вас на картах на сорок второй, сорок третий и сорок четвертый годы - перестанет соответствовать действительности. И зачем тогда нам такие карты? Если же мы не станем вносить никаких изменений - да Борис Михайлович и сказал уже, что реально такой возможности у нас нет, - у нас будет в распоряжении некий эталон, по которому мы сможем сверять ход боевых действий. Чтобы, по крайней мере, не отклоняться от него: иначе, как я понимаю, все происходящее вообще пойдет вразрез с марксовой теорией исторического материализма. А мне бы этого, как материалисту, не хотелось.

У Алекса округлились глаза. Да и у остальных его спутников тоже.

- Но... - начал пришелец, желая, видимо, что-то возразить, однако Сталин не дал ему договорить.

- У нас на фронте тяжелейшее положение, товарищи гости, - сказал он. - Немцы рвутся к Москве. Нам приходится снимать войска с Дальнего Востока, чтобы переломить ситуацию. А там - японская армия. Если ваша информация верна - японцы по нам не ударят. А если все же ударят? Что сможет противопоставить им Дальневосточный фронт? Не надо так реагировать! Я не сказал, что ваша информация является дезинформацией! Вы сообщили о том, что вам известно. Но вы не сообщили, каким образом нам добиться такого положения, которое, по вашим словам, в ближайшее время сложится на Дальнем Востоке. А не зная этого, мы не можем знать, что нам для этого предпринять. Прикажете верить вам на слово? Я учился в свое время в семинарии. И благодаря этому знаю, чем знание отличается от слепой веры. Давайте не будем уподобляться глухим, ведущим слепого, - ни у вас, ни у нас нет на это права перед историей. Нам сейчас жизненно важно - как ничто иное в данный момент - остановить фашистское наступление. Для этого нам нужны пушки и снаряды, авиация и танки, нужно достаточное количество войск. Нам нужны грамотные генералы, способные разработать план сражения, нужны разведчики, приносящие текущую информацию. Нужна, наконец, твердая партийная дисциплина, чтобы не сорваться в хаос в этой критической обстановке. А рассказы о том, что четвертого декабря Красная Армия начнет победоносное наступление под Москвой - оставим писателям... На потом - когда победим. А сейчас, товарищи, ваш вопрос можете считать решенным. Вы поступаете в распоряжение товарища Берия. У него есть в отношении вас какие-то планы. Не сомневайтесь: ваш уникальный опыт и ваши знания будут использованы для победы над немецко-фашистскими захватчиками с максимально возможной эффективностью. И впоследствии - тоже... Заберите... ваши приборы, - Сталин чубуком трубки указал на выставку на столе. - Время нашего разговора заканчивается. Товарищ Берия позаботится о вас. А вас, Борис Михайлович, я попрошу задержаться в связи с новыми данными...

Посмотрев в спину Лаврентия, уводящего свалившихся им внезапно, как снег на голову, пришельцев из будущего, Сталин взял из раскрытой коробки папиросу и начал набивать трубку, не глядя на молчаливо ждущего Шапошникова.

У них имелось на сегодня еще много дел.

Гудериан подходил к Туле, и остановить его было практически нечем...

Пермь, октябрь 2006 - сентябрь 2009 г.

Дмитрий Политов

Даешь Варшаву, даешь Берлин!

«Тридцатьчетверка» остановилась на опушке, выпустив последний сизый клуб выхлопа сгоревшей соляры. Крышка башенного люка медленно уехала в сторону с железным стуком, и из открывшегося отверстия чертиком вылетел человек в комбинезоне и шлеме. Стуча каблуками сапог по броне, ссыпался вниз и сразу же рванул к стоявшему поодаль штабному автобусу, не обращая внимания на вопросительные оклики командиров и бойцов, слонявшихся бесцельно поблизости.

Часовой, совсем молодой парнишка, дернулся было взять винтовку «на руку» и преградить дорогу, но натолкнулся на бешеный взгляд танкиста и, тихо ойкнув, отскочил в сторону, стремительно бледнея.

Незнакомец пулей влетел в автобус, но почти сразу же выскочил обратно.

- Где. Майор. Чернышев, - тихо, разделяя каждое слово, спросил он, глядя в землю, и, судя по внешнему виду, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться окончательно.

- Так он это... бриться пошел, - поспешно откликнулся часовой. - К роднику.

Танкист, не говоря больше ни слова, двинул в указанном направлении, не разбирая дороги, прямо через кусты, словно матерый кабан.

Шагов через тридцать он оказался в небольшой лощинке, по дну которой бежал, весело журча, тоненький ручеек темно-изумрудной воды, искрящейся и переливающейся в солнечных лучах, нашедших дорогу через кроны деревьев.

Человек в темно-синих командирских галифе и белой майке стоял возле истока, негромко мурлыча себе под нос какой-то веселый мотивчик. Лицо его наполовину скрывала белоснежная пена. В руке он держал опасную бритву. Серая коверкотовая гимнастерка, ремень, портупья и кобура лежали неподалеку, на покатам валуне, обильно поросшем мхом.

- Вот ты где! - яростно выкрикнул танкист, царапая ногтями клапан кобуры пистолета. - Весело тебе, сволочь!

- Еще раз здравствуйте, Михаил Георгиевич, - бреющийся как ни в чем не бывало провел бритвой по щеке, снимая щетину, и глянул в небольшое круглое зеркальце, закрепленное на тоненьком деревце на уровне его глаз. - Вы чем-то расстроены?

- Ах ты... - задохнулся танкист, багровея лицом. - Ты еще издеваться?!.. Застрелю! Как собаку пристрелю!!

- Спокойно! - резким неприятным голосом осадил его бреющийся. - Хватит истерить, точно кисейная барышня! Вы же генерал, черт побери, возьмите себя в руки. Что случилось?

Танкист замер. Несколько мгновений он хватал ртом воздух, словно рыбина, выброшенная удачливым рыбаком на землю, а потом неожиданно понуро сгорбился и как-то обмяк. Извлеченный наконец ТТ в бессильно опущенной руке безжизненно устался стволом в землю.

- Корпус, - глухо сказал танкист после продолжительного молчания. - Мой корпус... Его больше нет... Совсем... Тысяча танков... Как сухой хворост, в один миг!

Бреющийся спокойно сполоснул бритву, вытер лицо полотенцем, перекинутым через его плечо, потом вытер руки и, насвистывая, принялся натягивать гимнастерку. Вскоре перед танкистом стоял подтянутый и ладный командир с двумя майорскими «шпалами» в черных танкистских петлицах и орденом Красной Звезды над левым клапаном нагрудного кармана.

- И что? - хладнокровно осведомился он. - В чем проблема-то?

Танкист медленно поднял голову. Его лихорадочно блестящие глаза, все в мелкой сеточке лопнувших сосудиков, красные от недосыпа и нечеловеческого напряжения, впились в лицо майора. Чумазое лицо странно дрогнуло. Так, словно человек хотел разрыдаться, но в последнее мгновение сумел сдержаться. Генерал медленно поднял левую руку и рывком дернул сначала ворот комбинезона, с мясом вырывая верхние пуговицы, а затем крючки гимнастерки.

- Ты... ты же обещал?!.. Вспомни, что ты мне говорил, что показывал - где все это? Где, я тебя

спрашиваю?! Мы же должны сейчас быть на Висле, бить немчуру в хвост и в гриву. И чем, – голос генерала на секунду сорвался, – чем мы их сейчас будем бить? Сгоревшими танками? Выкошенной под корень пулеметным огнем пехотой? Чем?! Посмотри вокруг, разве это Польша?!

– А, вы об этом, – скучающе протянул майор. – Что я могу сказать? Бывает. Небольшая ошибка в расчетах. Выходит, карта легла так, что Берлин и Варшаву будет брать другой генерал, Хацкилевич, не вы... Да хватит уже махать этой пукалкой! – Майор сердито повел рукой, и пистолет вылетел из руки генерала, плюхнулся в воду и мгновенно исчез. – Поймите же вы, чудак-человек, реальностей великое множество, и угадать правильно, в какой именно мы оказались, невероятно сложно, практически невозможно. Но могу вас заверить, что именно сейчас наши войска с успехом ломают немецкую оборону, жгут вражеские аэродромы, гонят колонны пленных. Просто... ну это немножко не здесь. Понимаете?

Генерал пошатнулся.

– Мой корпус... Выходит, все зазря? Я напрасно слушал твои советы? Выдвигал войска, технику, добивался переноса складов, подтягивал резервы...

– Почему же? – майор совершенно искренне удивился. – Вы все делали так, как и должно было быть... В *вашей* реальности.

– Ты! – Хацкилевич дернулся, словно от удара. – Ты... Ты дьявол! Будь проклят, мерзавец!

– Опять эта высокопарность и пафос, – поморщился майор. – Всегда одно и то же. Ну почему никто не хочет войти в наше положение? Почему все думают, что коррекция времени должна постоянно идти одинаково при совершенно разных раскладах? Вы что же, милейший, считаете, будто время мой послушный домашний зверек, который исполняет любые желания? Так вот я вас огорчу до невозможности – это не так. Совсем не так!.. Впрочем, – добавил он после небольшой паузы, – это уже не имеет ровным счетом ни малейшего значения, мне пора. Надо еще успеть к вашему более удачливому отражению. Страсть как хочется войти в рейхстаг первым!.. Прощайте, генерал! – Майор лучезарно улыбнулся и, сорвав травинку, не торопясь двинулся вдоль ручья.

– Скажи хоть, что мне делать? – с тоской окликнул его Хацкилевич. – Пустить себе пулю в лоб или, быть может, рвануть на последней машине в лобовую на немецкие орудия?

– Что делать? – Майор замедлил шаг и бросил косой взгляд через плечо. – А в самом деле, что вам делать? – Он ненадолго задумался, будто прислушиваясь к чему-то. – А знаете... просто не закрывайте люк вашего танка во время движения.

– ...???!!!

– Придет время, – ухмыльнулся майор, – и вы все поймете. Обязательно поймете. Я обещаю!..

...Кадет Михаил Федорович «Тайна Слонимских курганов» (статья в газете «Советская Белоруссия»): «По вражьей воле туда и втянулись колонны штаба 6-го мехкорпуса, его медсанбата, других тыловых подразделений. От моста и брода у Кошелей колонны направлялись к Клепачам, чтобы дальше – через Озерницу – выйти к Слониму... У поворота Ивановки, откуда хорошо просматривалась дорога на Кошели, немецкие артиллеристы установили орудия, а чтобы не было помех, сожгли дома, другие постройки на краю деревни. Появилась разведка: бронемашина и бойцы на трех мотоциклах с колясками...

Один мотоцикл помчался назад. Потом у поворота появился танк Т-34 с по-походному открытыми люками. Немец, скрывавшийся в придорожной яме, вскочил и забросил гранату в башенный люк. Из уткнувшейся в бугор и заглохшей «тридцатьчетверки» вылетели и посыпались какие-то бумаги и денежные купюры: видимо, в ней везли документы и корпусную казну. Экипаж погиб. Но машина не взорвалась... Произошло это на глазах Петра Ракевича, Николая Апановича, Ивана Ракевича, многих других сельчан, томившихся у погоста. И следом за взрывом гранаты взлетела сигнальная ракета – немцы ударили по колонне из орудий, минометов, пулеметов... Неожиданный огонь, прицельный и сплошной, ошеломил красноармейскую колонну. Некоторые солдаты и офицеры не успели взяться за оружие. Позже жителям Клепачей открылись жуткие видения. Одно наиболее запечатлелось в памяти Петра Ракевича: в кузове машины-полуторки, пробитом пулями, навалом, друг на друге лежали убитые – 11 красноармейцев и женщина с ребенком; из кабины не успели выпрыгнуть водитель и капитан с танковыми эмблемами. И все же кому-то удалось вырваться за огненную завесу. Одна группа, прикрывшись кустарником, смяла орудийные и минометные расчеты, пробилась в лес на противоположном берегу. Другая – вслед за танком и бронемашинной прорвалась через мост. Многие из тех, кто находился в хвосте колонны, укрылись в лесу, что ближе к Зельвянке. Эпизоды и картины кровавой схватки в Клепачах, как и подобных событий в Озернице, других местах этого уголка Слонимщины, складывались постепенно. А связь моя со здешними местами проистекает, хотя и с перерывами, лет двадцать. С того дня, как побывал в Озернице и Клепачах со слонимским журналистом и краеведом Михаилом Ивановичем Рылко. Позже приезжал сюда с группой участников приграничного сражения, были среди них и ветераны 6-го мехкорпуса. (В те годы я работал корреспондентом газеты Белорусского военного округа «Во славу Родины».) Собрал немало воспоминаний очевидцев драматического события. Наиболее ценными свидетелями оказались Петр Семенович Ракевич и Николай Васильевич Апанович. Они воевали в партизанском отряде. После освобождения Слонимщины ушли на фронт. Пулеметчик Ракевич участвовал в штурме Кенигсберга, артиллерист Ракевич – Берлина. Они толково, по-военному понятно изложили существенные подробности скоротечного боя немецких десантников и красноармейцев. Из «тридцатьчетверки», которую остановил гранатометчик, они достали и похоронили тела четырех человек. Один из погибших, как установили по найденным при нем документам, был генерал-майор Хацкилевич. Его документы Петр Ракевич спрятал на чердаке школы... Немецкие солдаты добились раненых, у прибрежного обрыва расстреляли сдавшихся в плен. Потом офицер, очевидно из русских эмигрантов, ошеломил и без того перепуганных сельчан:

- Немецкое командование поздравляет вас с освобождением от большевизма и приказывает закопать уничтоженных большевиков. Три часа – и чтобы духа большевистского не было! Невыполнившие приказ будут строго наказаны, – и язвительно запел: «Ложись проклятьем заклеянный...»

После боя немцы начали шарить по домам, но вскоре послышались клики и все они поспешили к Озернице... Сельчане, как было приказано, стянули, снесли и сложили убитых в ямы, выкопанные недалеко от дороги на Кошели. Сколько положили народа, никто не считал. Позже по сходным прикидкам очевидцы сошлись на цифрах 350–370. Среди убитых были женщины – врачи и сестры медсанбата, жены военных, их дети...»

Хочется верить

Организовали они все грамотно. В то время, как десяток конников въезжал в деревню по центральной улице – совершенно не таясь и нарочно производя как можно больше шума, пятеро солдат в немецкой, мышинового цвета, форме, но с советскими винтовками и автоматами, притаились в густых кустах, вольготно раскинувшись за околицей.

Деревушка казалась мертвой: ни дымок над избами, ни стука калиток, ни лая собак. Конники, громко переговариваясь, промчались на другой конец. Остановились на пригорке. Командовавший ими фельдфебель с Железным Крестом II-го класса зычно отдал приказ спешиться.

- Вон он, приготовились! - тихо сказал один из тех, кто прятался в кустах, заметив, как в сетке бинокля мелькнуло что-то темное, стрелглав мчащееся к лесу.

Человек бежал, прихрамывая, подгоняемый пока еще далекими криками кавалеристов, также заметивших его.

Погоня продолжалась недолго: выскочившие из засады солдаты одним махом сбили жертву с ног, безжалостно повалив беглеца в нескошенную траву.

Когда фельдфебель не торопясь подъехал к месту событий, задержанный уже стоял перед солдатами, тяжело дыша и сплевывая время от времени кровь из разбитой губы. На вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать, может, чуть больше. Совсем чуть-чуть. Даже черные круги, залегшие вокруг глаз, и глубоко запавшие, с нездоровой синевой щеки не делали его старше. Левая рука, похоже, раненая, безжизненно свисала вдоль тела, а правой он прижимал к груди большую ковригу, видимо, только что полученную в деревне. Тонкие бледные пальцы крепко вцепились в ржаную корку.

Фельдфебель легко спрыгнул с коня, небрежно бросил поводья ординарцу и не спеша обошел пойманного паренька, разглядывая того со всех сторон. Но пойманный стоял прямо, не поворачивая головы даже тогда, когда фельдфебель, размахивающий плетью, оказывался позади него. Потухшие глаза неотрывно смотрели перед собой.

Солдаты отпускали язвительные замечания и зубоскалили по поводу его не по росту больших галифе, спущенных обмоток и потрепанной красноармейской гимнастерки, на которой обильная августовская роса перемешалась с выступившим от бега и напряжения потом.

- Ну-с, и кто же это тут у нас? - нарушил, наконец, свое затянувшееся молчание фельдфебель. - Документы при нем нашли какие-нибудь? - Солдаты ответили отрицательно. - Великолепно! Значит, это или советский разведчик, или... партизан? - последние слова фельдфебель произнес вкрадчивым тоном, остановившись перед пареньком и цепко глядя тому в лицо. - Отвечать! - Он больно ткнул рукояткой плети в грудь задержанного. - Хочешь жить - покажешь нам, где расположен партизанский лагерь. Ну?!

- Я не партизан, - едва слышно прошептал паренек. - Честное слово.

- Возможно, возможно, - легко согласился фельдфебель. - Но... вот кто тебе дал хлеб, ты наверняка знаешь. Ведь так?

Парнишка угрюмо молчал, еще крепче прижав к груди ковригу.

- Ну же, - настойчиво произнес фельдфебель, - я не буду требовать слишком много. Мне будет достаточно, если ты покажешь хотя бы дом. И тогда... пожалуй, я даже пощажу тебя, хоть это и против правил. Что скажешь?

Паренек отрицательно качнул головой.

- Это касается не только меня, - сказал он твердо, - хлеб нужен еще троим. Отпустите меня, они ранены и больны.

- О, это другое дело, - обрадовался фельдфебель. - Отведи нас к своим друзьям, мы их обязательно накормим, а если надо, то и подлечим. Верно, хлопцы? - Солдаты одобрительно засмеялись.

Задержанный дернулся, с тоской глянул в небо и вновь мотнул головой.

- Нет.

- О, как! - изумился фельдфебель, сделав круглые глаза.

- Да что ты с ним цацкаешься, командир, - не выдержал рослый солдат с обожженной щекой, - дай мне этого краснопузого на пять минут, и он нам не только все расскажет, но и впереди твоего Урагана к лагерю на рысях помчится!

- Ну, зачем такие крайности, Сальников, - укоризненно выгнул бровь фельдфебель. - Мы же не звери, а солдаты доблестной Русской Освободительной Армии!.. Автомат! - он требовательно протянул руку. Ординарец, замешкавшись на секунду, начал торопливо сдергивать с плеча ремень, кляня подвернувшийся не вовремя погон.

Паренек словно очнулся от спячки. Он быстро обвел глазами окруживших его солдат, выбрал одного, самого пожилого, с седыми усами и, заметив на его лице явное сострадание, выкрикнул с отчаянием:

- Отец! Что же ты смотришь?!

Короткая, на три-четыре патрона, очередь ударила его в грудь, и он упал навзничь, широко разбросав руки. Краюха отлетела куда-то в траву...

Седой солдат отвернулся и краем глаза заметил белое как снег лицо какого-то русоволосого вихрастого мальчишки с синими, как небо глазами, с ужасом наблюдавшего за всем происходящим из зарослей орешника...

- ... Да, задание выполнено... Нет, проблем не было, все прошло строго по плану... Конечно, можно вызывать группу эвакуации... Ждем. Конец связи!

Фельдфебель закончил разговор и нажал клавишу отбоя на маленьком серебристом аппарате, напоминавшем застывшую каплю.

- Еще минут десять, хлопцы, - сообщил он товарищам и принялся сдирать с себя опостылевший мундир. - Десять минут и катер нас заберет... Василич!!!

Седой, схватившись за грудь, медленно падал на землю. Кто-то кинулся ему на помощь, кто-то бросился в сторону, полагая, что по ним ведется огонь засевшим неподалеку стрелком.

«Фельдфебель» упал на колени и, подхватив голову седого, с тревогой всматривался в его помутневшие глаза.

- Василич, ты слышишь меня? Да отзовись же, старый черт! Ты что это удумал, а?

- Фигня... фигня война, главное... - маневры, - запинаясь, с трудом проговорил седой. - Вишь, какая закавыка, Олечка, сердце, видать, прихватило... стар я, выходит, для этих игр...

- Да ты что такое говоришь, Василич, - изменился в лице «фельдфебель». - Неужто из-за гниды этой? Ты же сам его линию отслеживал, помнишь, что эта сука в лагере после вытворяла? Или

забыл, как он девчужку ту чешскую... потом, в сорок четвертом? А профессора?!

- Я и говорю... старый я для всего этого... - слабо улыбнулся седой.

- Черт! Черт! Черт!.. Да где этот гребаный катер?! - «Фельдфебель» беспомощно оглянулся по сторонам. Солдаты, поняв, что внешней угрозы нет, молча стояли вокруг. - У нас же из лекарств только йод да бинты... Блин, ведь просил же хотя бы одну аптечку нормальную выдать! Перестраховщики, твою за ногу!.. Потерпи, Василич, потерпи еще чуток, а?

- А пацаненок-то наш все видел, - едва слышно прошептал седой, не открывая глаз. - Ты бы знал, Олежка, с какой ненавистью он на меня смотрел - еще немного и с голыми руками бы на нас бросился...

- Да знаю я, Василич, знаю, - плачуще сказал «фельдфебель», - и ребята тоже все видели.

- Хоть какая-то польза с той падали вышла, - негромко пробурчал солдат с обожженной щекой.

- Зуб даю, он через десять лет все как положено сделает - мы ж ему нынче такую правильную прививку поставили, закачаешься! Даже не сомневайся, верь мне... А сейчас лучше помолчи, помолчи, Василич, не трать силы!..

...Василич?!..

Ай-пишник Отца народов

1939 год. Москва, Кремль, кабинет И.В. Сталина.

- Товарищ Сталин, к вам Берия! - голос Поскребышева в телефонной трубке был сух и деловит. Вождь немного помолчал, обдумывая что-то, а затем негромко произнес:

- Пусть заходит.

- Здравствуйте, товарищ Сталин! - Берия остановился на строго рассчитанном расстоянии от вождя, поедая его преданным взглядом. В левой руке у него была внушительного вида красная папка с золотым грифом высшей степени секретности на обложке.

- Что там у тебя, Лаврентий? - устало спросил генсек, медленно набивая трубку. Нарком, правильно оценив настроение вождя, сноровисто раскрыл папку и взгляделся в текст на верхнем листе бумаги.

- Продолжите, пожалуйста, фразу: «Я шут, я арлекин, я...», - Берия пытливо посмотрел на Сталина.

- «Я просто смех!» - скучным голосом сказал Иосиф Виссарионович, не прекращая своего занятия.

- Та-ак-с! - зловеще протянул Берия. Его правая рука потянулась к кобуре.

- Нет, ну надо же быть таким идиотом! - Сталин, словно не замечая манипуляций главного чекиста, горестно возвел очи к потолку. - Лаврентий, это же вчерашний тест! - Берия торопливо, не спуская напряженного взгляда с раскуривающего трубку вождя, прощуршал листками, краем глаза прочел что-то и тут же густо покраснел.

- Простите, товарищ Сталин! Виноват, не углядел - работал допоздна, вот и забыл сменить конверты!

- Забыл он, - ворчливо произнес генсек, отправляясь в привычный поход по кабинету. Берия вытянулся в струнку. - Как дети малые, честное слово! Ну, что ты там опять ждешь или сегодняшний вариант тоже забыл?

- Никак нет! - нарком пошел пятнами. - Вот он! - Берия радостно потряс другим листком. Иосиф Виссарионович побуравил его тяжелым взглядом, то и дело скрываясь в облаках ароматного табачного дыма, и, наконец, благосклонно кивнул.

- В каком году «Динамо» Тбилиси выиграло Кубок кубков?

Сталин ошарашенно посмотрел на него.

- Вах, какие молодцы! Не знаю, что за Кубок, но все равно молодцы! Надо тренеров наградить! Не забудь на всех Указ подготовить!

- Да рано еще, Иосиф Виссарионович, - уныло протянул Берия. - Это еще через сорок два года только будет.

- Жаль! - вождь обиженно засопел. - Но, знаешь, все равно приятно! А то недавно товарищ Хрущев на заседании Политбюро хвастался, что в Америке всем «кузькину мать» показывал... с демонстрацией «матери»... а мне даже и ответить нечего было. Зато теперь я его точно сделаю! Ишь, распустились - один будущим памятником на Красной площади гордится, другой - кукурузой!

- Абсолютно с вами согласен! - торопливо согласился Берия.

Генсек, устав ходить, небрежно отодвинул один из стульев и присел, жестом предложив наркому присоединиться к нему. Они немного помолчали. Сталин думал о чем-то, Берия терпеливо ждал.

- Устал я, Лаврентий, - пожаловался вдруг вождь, прерывая напряженную тишину, повисшую было в кабинете. - Веришь, просыпаюсь каждое утро и думаю - а ну, как очередной засланец снова чего-нибудь натворил?! Вот подойду к окну, а там над кремлевскими башнями орлы или еще чего похлеще...

- Как я вас понимаю! - всхлипнул Берия. - Я ведь то же самое чувствую! Жене на глаза показаться стыдно - вот, знаю точно, что нет у меня никаких любовниц, а все одно, не по себе как-то! Словно обманываю ее. Даже не знаю с кем и когда, а все равно обманываю!

- Опять ты про баб! - Сталин недовольно поморщился. - О стране надо думать! Вот ты смотри - на секунду расслабишься, глянь - уже, оказывается, с Гитлером какими-то письмами секретными обменялись, дружбу предложили, эшелоны с сырьем отправили. Или вот, недавно, вдруг выяснилось, что мы крейсер в Германии купили... Ну что ты на меня так смотришь?

- А зачем нам крейсер, товарищ Сталин?

- Я почему знаю? - вождь угрюмо засопел. - Всех, кто знал «зачем», ты, оказывается, уже расстрелял.

- Я?! - Берия испуганно отшатнулся. - Не может быть! Да что же это, я ведь всю жизнь... как

настоящий коммунист... верой и правдой... товарищ Сталин!!

- Да верю я, - Отец народов махнул рукой. - Верю...Что у вас, товарищ Поскребышев?

- Срочная телеграмма от президента Рузвельта, товарищ Сталин.

- Читайте.

- «Йося, мерзавец, что ж ты меня вчера из друзей в «Одноклассниках» удалил? Хрен теперь тебе, а не ленд-лиз, выкручивайся с Адей сам!»

Сталин мрачно взглянул на съезжившегося Берию, вновь потянувшегося к кобуре, и медленно произнес:

- Отправьте в «Удаленные», это спам.

В повисшей над кабинетом напряженной тишине оглушительно клацнул передернутый затвор...

Досрочный дембель

- Деда, а ты воевал с немцами?

Надо же, вроде простой совсем вопрос, да только замялся отчего-то старый Ермолаич, стушевался и угрюмо засопел, глядя понуро в землю. Долго-долго молчал, а затем нехотя ответил требовательно глядящим на него правнукам:

- Не пришлось.

- Я же говорил! - толкнул в бок брата Лешка. - А ты еще спорил со мной. Вот подставляй теперь лоб!

- Еще чего, - опасливо отодвинулся от него Степка. - Тут еще разобраться надо. Дед, а почему не воевал-то, война ведь почти полгода шла?

- Пять месяцев, три недели и два дня! - наставительно произнес Лешка. - Неужто не помнишь, что нам на уроке рассказывали? Эх, ты! Может, ты и даты американской кампании забыл?

- Отвяжись. Дед, ну не молчи, рассказывай!

- Да что рассказывать-то?..

Западная Белоруссия, июнь 1941 года.

...Полк подняли по тревоге рано утром, еще и четырех не было. Судя по красным глазам и помятым лицам, невыспавшиеся, а потому донельзя злые командиры подгоняли нерадивых бойцов грозными окриками, заставляя их как можно скорее занять свои места в кузовах грузовиков.

- Что, и позавтракать не дадут? - возмутился Матвей Колесов, круглолицый паренек из недавнего пополнения, ошалело крутя головой. - Так и повезут не жрамши?! Да что же это, а, хлопцы?!

- Молчи, салага, - цыкнул на него сержант Трошкин. - Я, братцы, сейчас совсем про другое

думаю: чегой-то нас без оружия погрузили?

Красноармейцы негромко зашумели. В самом деле, ни у кого, за исключением командиров, перетянутых ремнями с пистолетными кобурами, не было видно даже завалящей винтовочки, не говоря уже о пулемете.

- Товарищ лейтенант, - окликнул Трошкин пробежавшего мимо взводного, - а что, мы так и поедem без оружия?

Лейтенант резко затормозил. Задумчиво взглянул на настороженно замерших бойцов, помолчал немного, а затем вдруг широко улыбнулся и ласково сказал:

- А на хрена демобилизованным оружие? - и унесся дальше, прежде чем ошарашенные красноармейцы успели задать ему новый вопрос.

- Слыхали?! - только и смог вымолвить сержант, обводя товарищей круглыми глазами. - Демобилизованных! Что за фуйня, мне ж еще год трубить!

Станция гудела, словно разворошенный муравейник. Свистки паровозов, лязг металла, рев двигателей и... перекрывающий все эти звуки неумолчный людской ор создавали поистине фантастическую картину.

Подъехавшие красноармейцы, которых высадили из грузовиков, построили в походную колонну и повели к вокзалу на посадку, завороженно смотрели по сторонам, пытаясь уместить в голове невиданное доселе зрелище.

А посмотреть и в самом деле было на что. Метрах в пятидесяти от станции, прямо на путях, загадочно переливалась жемчужным блеском непонятная полукруглая конструкция, смахивающая на разрубленную напополам водную поверхность, поставленную на попа. Из нее то и дело выскакивали длиннющие составы с открытыми платформами, на которых теснились непривычного вида танки - с мощными длинноствольными пушками, приплюснутыми башнями хищных очертаний, незнакомыми пулеметами, - не менее странные броневики, тягачи, орудия и совсем уж диковинные машины с таинственными тубусами всевозможных размеров на станинах.

Иногда проскакивали поезда с пассажирскими вагонами, откуда на растерянных красноармейцев с любопытством глазели одетые в странную форму с чужеродно выглядевшими старорежимными погонами люди. Они что-то весело орали, высываясь из окон, махали руками замершим на перроне красноармейцам, но понять что-либо в царившем на станции шуме было попросту невозможно. Единственное, что разобрали более-менее, это фразу: «Салют, предки!», но и она особой ясности не принесла.

- Кто это, товарищ сержант? - тихо спросил у Трошкина Колесов, опасливо косясь на очередной эшелон. Сержант ничего не ответил, пожав плечами. Он вовсю рассматривал диковинную пачку, брошенную ему одним из пассажиров прямо из окна. Красно-белая коробка с вязью чужестранных букв, незнакомый аромат, непривычно тонкие, с фильтром, папирсы.

- Ма-ар...марл...марлборо, - с трудом прочел сержант и неуверенно предположил: - Англичане, что ли?

Низкий гул, донесшийся с небес, заставил бойцов судорожно задрать головы. Над станцией,

пара за парой, пронеслись над землей с огромной скоростью странные самолеты без винтов. Сначала небольшие, затем побольше, а в конце совсем уж огромные, похожие на гигантских белых лебедей. Все они выскакивали из парящего чуть пониже облаков большущего зеркала, покрытого уже знакомой жемчужной рябью.

- «Тушки», - сказал кто-то рядом с остолбеневшим Трошкиным. Сержант закрыл разинутый от удивления рот и медленно повернул голову. Коренастый капитан с голубыми петлицами летчика провожал загадочные самолеты тоскливым взглядом побитой собаки.

- Ч-что?

- Я говорю, «тушки», - не слишком понятно объяснил капитан. - Сто шестидесятые. - Помолчал, а затем обидчиво добавил: - А нас не берут. Говорят, не потянем... Эх, - скрежетнул он вдруг зубами, - я же в Каче одним из лучших был, а меня какой-то хреновиной проверяли и сказали, что я перегрузок не выдержу. Представляешь, сержант?! - лицо его задрожало от обиды.

- А это вообще... наши? - осторожно спросил Трошкин капитана. - Ну, самолеты в смысле, танки. И вообще...

- А чьи же еще? - несказанно удивился летчик. - Конечно, наши. Самые что ни на есть! Только... нездешние.

- Как это, - не понял Трошкин, - из другого округа, что ли?

- Ага, - засмеялся капитан. - Из другого. Совсем другого!.. Ладно, бывай, пехота, вон мой поезд подходит.

Сержант проводил его глазами, а затем, привлеченный шумом, повернул голову. Несколько энкавэдэшников вели мимо них странную компанию небритых разновозрастных мужичков, одетых кто во что горазд, но вооруженных до зубов, угрюмо переругивающихся со своими конвоирами.

- Граждане «засланцы», я вам еще раз повторяю, не нужно никакой самодеятельности - у нас ведь здесь плановое хозяйство, - усталым сорванным голосом хрипел высокий капитан госбезопасности со знаком «Почетного чекиста». - Вы же видите сами, все, что нужно, к нам поступает в достаточном объеме. А если кто-то из вас желает отслужить по контракту, то нужно обратиться в военкомат по месту жительства в вашем времени. А сейчас мы примем у вас по описи оружие, артефакты и прочее оборудование и отправим вас обратно... Нет, танк мы вам в качестве сувенира не оставим, даже не просите! И атомную бомбу тоже... Железный Крест? А что, вы уже успели прогуляться по немецким тылам на сопредельной территории?!.. Это безобразие! Ну в самом деле, неужели вы не понимаете, что могли испортить нам всю операцию? Мы столько времени заманивали фашистов, а вы... Эх, взрослые ведь люди!.. Собак своих уберите, пожалуйста! Желательно всю свору. Благодарю!

- С Харькова кто есть? Трошкин! Сержант! Да, я тебе говорю. Ты ж у нас вроде с Харькова будешь? - лейтенант теребил превратившегося в соляной столб сержанта. - Тебе нужно в здание вокзала пройти. Держи вот документы.

- А что, разве я не со всеми?

- Какое там, - устало вздохнул взводный. - Тут ведь какая загогулина выходит, - он немного помялся, - нету больше твоего Харькова! Совсем нету...

День дурака

- Гудериана под Большими Дятлами надо было в обход, через сельсовет брать, а не в лоб через речку переться, - авторитетно заявил Лисов и подлил себе в блюдце из пузатого чайника, расписанного подсолнухами.

Военачальники возбужденно загомонили, обсуждая сказанное личным порученцем Сталина.

- Товарищ Лисов, да вы один целой общевоевойской, да что там - гвардейской! - армии стоите, - провозгласил Еременко, оглядываясь в поисках поддержки на остальных генералов. - И откуда вы только свали... то есть я хотел сказать, все знаете!

- Работать надо! - внушительно сказал Илья, шумно прихлебывая густую черную жидкость. Генералы с интересом принимались - почему-то чай известного поэта-песенника пах дорогим французским коньяком. - Вот товарищ Абакумов, - глава «Смерша» обреченно поднялся из-за парты под злорадные смешки, - на прошлой неделе провел трехчасовой сеанс «Морского боя» с адмиралом Деницем по каналам правительственной связи, - Виктор Семенович побелел и стал закатывать глаза, - и по ее итогам утопил три вражеских крейсера. Молодец! - Абакумов резко передумал падать в обморок и победоносно оглядел товарищей.

- Да ему Тонина два сидюка с точным расположением всего кригсмарине передала, - тут же наябедничал нарком ВМФ Кузнецов. - Будь у меня такая информация, я бы фрицев вообще без кораблей оставил!

- Клевета! - горячо возразил Абакумов. - Форменная клевета! Мы, можно сказать, ночей не досыпали, всю свою агентуру на уши поставили...

- Тоже мне, чебурашки! - вполголоса протянул Жуков. Ему до сих пор являлся в страшных кошмарах меховой уродец в буденовке и с оскаленной пастью, подаренный Верховным на прошлый Новый год с подачи Лисова, наладившего подпольное производство этих чудовищ. Говорили, что три полка дальней авиации разбрасывают их над Германией, сея панику среди гражданского населения. - Виктор Семенович, вы бы лучше объяснили нам, почему так замедлилась проверка вышедших из окружения?

- А что я могу, - взвился Абакумов, - мои следователи уже с ног сбились - кого ни начнут допрашивать, обязательно на очередного махровца наталкиваются. А они, сами знаете, ребята резкие - чуть что не так, сразу или бока мнут, или норовят себе подмогу вызвать. А это или танковая дивизия, или целый ракетный дивизион! И, что интересно, в последнее время они словно взбесились - на всех направлениях чуть ли не посреди белого дня через линию фронта прут. С обозами, пленными, трофеями - немцы уже позиции бросают и потихоньку бежать начинают. Кричат, что с русскими варварами воевать невозможно - у них, мол, одна армия на фронте, а еще одна в тылу - и какая сильнее, совершенно непонятно.

- Махновцы?! - несказанно удивился недослышавший руководителя «Смерша» Буденный. - Неужто еще остались? Да, выходит, не всех мы в гражданскую порубали...

- Да спите уже, Семен Михалыч, - недовольно бросил Шапошников. - Это не те махновцы - эти правильные!

- Кхе-кхе, - смущенно откашлялся Лисов. - Каюсь, мой косяк! Это я друзьям приглашение на свадьбу разослал. Ну не рассчитал маленько... Не, вы поймите, если б я забыл кого, они и без приглашения приперлись бы, только еще и злые!

- А сейчас они, выходит, добрые? - недоверчиво поинтересовался Берия. - Мне вчера пришлось товарищу Сталину заявку подавать на развертывание трехсот дополнительных лагерей для пленных - Сибири уже не хватает! А куда нам после англичан вывозить прикажете? Вы уж, товарищ Лисов, как-то побыстрее со свадьбой заканчивайте. Или вообще скажите, что она уже прошла, а?

- С ума сошли?! - Илья даже поежился. - Они ж тогда вообще здесь все разнесут! А нам еще сады на Марсе нужно успеть разбить, к Юпитеру... ох, что-то разговорился я! - Прославленный разведчик торопливо заткнулся. Все находившиеся в комнате разочарованно загудели. В глазах прославленных военачальников еще виднелись отблески пожарищ на далеких планетах, армады боевых космолетов с алыми звездами на бортах и толпы сиреневокожих инопланетянок, радостно приветствующих своих освободителей охапками ярко-оранжевых ромашек.

- Ну вот, опять на самом интересном месте! А я только-только сметы освоения Меркурианской Советской республики принялся составлять! - молодой, но очень перспективный хозяйственник Алексей Косыгин огорченно взмахнул рукой и выключил ноутбук с красочной аббревиатурой «MicroHarkov» на крышке.

- По-моему, товарищи, вы забыли, какое сегодня число? - вкрадчиво поинтересовался Лисов, едва сдерживая глумливую ухмылочку.

Все торопливо повернули головы к настенному календарю.

- Первое апреля! - ахнул Жуков. - Так это что, был... РОЗЫГРЫШ?!!

- Ну-уу... почти, - скромно потупился Лисов, пряча протекшие глазки. - Основная хохма в кабинете... у Самого, - он неопределенно махнул рукой.

- А что там? - осторожно поинтересовался Берия. Прошлогодняя первоапрельская шуточка со стриптизершами, выскакивающими из стола Верховного под звуки кавер-версии «Интернационала», исполненного оркестром Утесова, аукалась ему до сих пор.

- Да так... мелочи, - загадочно ухмыльнулся Лисов, пряча за спину кусок мела, ведро с клеем и кусок бикфордова шнура. Присутствующие занервничали...

Танк KB-2(009)

...Инспектор ВАИ появился на дороге неожиданно. Сто пудов, прятался вражина в кустах, поджидая зазевавшегося мехвода!

...Дождлся...

- ...Не может быть! - Командир экипажа даже на секунду отшатнулся от перископа и ущипнул себя за нос. Вроде и не сон? - А ну-ка, Костя, жми на газ и давай напрямки, через него!

- Командир, но это ж не глюк, я его тоже вижу!

- После вчерашнего мы все дружно и Ленга в балетной пачке увидим. - Упомянутый пес недовольно заворчал и, на всякий случай, забился в какую-то щель, успешно прикинувшись маленькой незаметной мышкой. - Ладно, тормози.

Танк недовольно взревнул движком и остановился.

- Что там этот хмырь делает?
- К нам идет. Может, все-таки мираж? Давайте я его из пулемета, а?
- Сиди уже! Я сам разберусь. – Командир откинул крышку люка и вылез на броню. Ваишник неторопливо подходил к танку, лучась жизнерадостной улыбкой.
- Старший лейтенант Иванов. Попрошу водительское удостоверение и техпаспорт на машину.
- Че...чего?! Какое еще удостоверение, какой, к хренам, паспорт?! Ты вообще откуда здесь взялся, старшой? Немцы в трех километрах!
- Вы что же это, без документов ездите? – мгновенно подобрался и построжел лицом старлей. – Попрошу всех выйти из машины!
- Но немцы...
- Подождут твои немцы, там и без вас энтузиастов хватает! А ну вылазь!!
- Пиз...ц!!! – потрясенно выдохнул командир и точно загнипнотизированный начал слезать вниз.
- Все выходим! – ваишник забарабанил жезлом по люку мехвода. – Остальным что, особое приглашение требуется? – Экипаж после небольшой паузы нехотя последовал за командиром.
- Кто старший?

Командир медленно шагнул вперед.

- Способ перемещения?
- Но... откуда...
- Способ!
- Видите ли, мы на охоту ехали, а тут...
- Попаданцы, значит. Ясно.
- А что, можно иначе? – осторожно поинтересовался наводчик.
- Можно, – равнодушно ответил ваишник, доставая из планшетки бланк протокола. – Бывает – умирают, бывает – психоматрицей переносятся. Шибко умные вообще машину времени строят – можно подумать, без их «шедевров» прожить нельзя, а на рынке китайского ширпотреба мало!.. Вы как перемещались, через туман, вспышку, яркий луч света или по-другому?
- Через туман. Наверное. Точно и не вспомнишь – вы же понимаете, охота: за первый выстрел, за новый камуфляж... Традиции!

Старлей понимающе ухмыльнулся и начал быстро водить ручкой по листу.

- Цвет тумана? Его плотность? Особые звуковые или визуальные эффекты?.. Чего молчим? Может, вы все же упыри? Дай-ка я проверю, – ваишник отработанным движением выхватил

здоровенный черный пистолет и... щедро окатил экипаж длинной струей воды.

- С ума сошел?!!

- Живые, - с видимым сожалением протянул старлей, пряча в карман связку деревянных колышков. - Ладно, продолжим. Где танк брали?

- Э-эээ...там, - заряжающий неопределенно махнул рукой куда-то назад. - Он на дороге стоял. Ничейный.

- Что, и табличка была? - язвительно усмехнулся ваишник.

- Какая табличка?

- «Танк ничейный, берите кто хотите».

Экипаж растерянно молчал.

- Но мы же не просто так, а нашим помочь, - робко проговорил мехвод.

- Все так говорят! - отрезал старлей. - Лучше бы документы нормально оформляли. И, главное, прутся все, как на парад - на указатели и не смотрят. А мы ж по всей трассе таблички развесили: «Граждане засланцы, пункты временной регистрации расположены по адресу...» Короче, сейчас отгоняем танк на штрафстоянку - здесь недалеко, за Минском и сразу налево - и будем проверять по базе на предмет угона. А заодно и вас по картотеке пробьем, уж больно вы какие-то подозрительные!

- Совсем охренел?! - взвился стрелок-радист. - Да что мы на него смотрим, братцы, может это диверсант переодетый - из «Бранденбурга»! - Ленг согласно гавкнул.

- Так вы еще и животное с собой притащили?! - потрясенно ахнул ваишник. - А справка о прививках у него имеется? - Пес, услышав страшное слово, жалобно заскулил и спрятался за хозяина. - Нет, это уже просто форменное безобразие, товарищи попаданцы... А это еще что за бурлаки на Волге?!

- Мы в город изумрудный идем дорогой трудной!.. - показавшаяся вдалеке процессия странно знакомых попаданцам личностей, упорно тянущая привязанный к металлическим тросам фантастический гибрид - «Дора» на шасси от БТ-7, и задорно распеваящая при этом некогда популярную песенку из мультфильма, медленно приблизилась, а затем преспокойно миновала танкистов и ваишника и скрылась вдали.

- Это ж Олегович со своей бандой! - потрясенно выдохнул командир, выйдя из ступора. - Не, я не понял - шеф, а фиг ли ты их не остановил?!

- С какой стати? Пешеходы вне моей компетенции!

- Так нечестно!

- А ты, поди, думал, что в сказку попал? Хе! Так, а что стоим - погнали на штрафстоянку! У вас, кстати, еще башня грязная и номера, скорее всего, перебитые. Ох, чует мое сердце, попали вы...

- Серега, да брось ты этих засланцев! Все одно или растворятся, или отбредутся, - вылезший из кустов краснорожий капитан с массивной бляхой «ХроноВАИ» презрительно махнул

рукой. – Давай лучше за мной – там Гудериан сейчас проезжать будет, а у них ни транзитных номеров, ни справки о растаможке – в общем ни хрена! А тачки просто класс – ни у одной пробега по СССР нету, представляешь?! Окучим по полной! Я уже всем нашим стуканул по рации, сейчас подтянутся – глядишь, до вечера управимся...

Старлей смерил КВ и замерший в тревожном ожидании экипаж задумчивым взглядом, нехотя убрал бланк протокола обратно в планшет и сухо проговорил:

– Чтоб духу вашего через пять минут здесь не было! Шляются тут... всякие, а после танки пропадают! Еще раз попадетесь... ну вы поняли, правда?..

Лови демона!

«Бьем челом, царь-батюшка, оборони нас от врага лютого... – Петр пробежал глазами первые строки, презрительно хмыкнул и совсем уж было решил отбросить прошение в грудку таких же бесполезных бумаг, но вдруг его взгляд ухватил несколько странных слов и государь вчитался повнимательнее. – ...объявился в громе и молнии, аки диавол или змий-искуситель. Лицом в разводах, будто скоморох, платье басурманское – но не англиское и не немецкое. В руках пистоль чудной, зараз по несколько выстрелов может делать. Брата Луку, что отказался строить машину демоническую, со ста шагов убил наповал...

...А после всех девок наших загнал в сарай, силком заставил раздеваться и возле оглобли, в землю воткнутой, танцевать. И все это действие богопротивное «ночным клубом» обзывал. После разыскал браги хмельной и меду столетнего, напился безобразно и драку с попом нашим, отцом Иосифом, учинил. Обвинял его, что, дескать, с детства кровавого тирана и деспота ненавидит, а за какую-то пятьдесят восьмую статью вообще убить готов...

...енотов велел всех в округе извести, но перед тем пытаться их, не князем ли Тембечинским они являются...

...с пьяных глаз рыдал, кричал, мол, ты, царь-батюшка, лузер бестолковый, все его идеи заповоривший по недомыслию, и что вот он уже достроит своего ворошилова и враз всю Москву на уши поставит...

...с купцами заморскими дружбу свел, механизмами диковинными их прельстил, обещал продать, но только в обмен на Индию, Пакистан и плантацию конопли...

...сокрушался, что дружки его верные не в ту эпоху угодили. И винил в том аффтаров бессовестных, всю историю перевравших, в эпохах запутавшихся и реалиев местных, дескать, не знающих...

...Грозился гетмана Мазепу в позу коленопреклоненную поставить и раскаленную кочергу ему в зад воткнуть, потому как не сумел дело правильно обставить и тебя, надежу нашу и опору, Карле в цепях привести на суд и расправу...»

Петр дочитал бумагу, положил ее на стол и задумался. Долго сидел, напряженно что-то обдумывая, а затем набил трубку и громко крикнул:

– Алексашка!.. А ну пойдись сюда. Да живей давай!

– Звал, Петр Алексеич? – Светлейший князь Меншиков появился в избе тотчас, будто ждал зова где-то рядом.

- Дверь прикрой. Дело у меня к тебе важное есть... На-ка вот, прочти.

- Так ведь неграмотный я... - запнулся было Меншиков, глядя на царя честными глазами.

- Мне-то вот только не ври! - тут же взъярился самодержец российский. - А то я твоего путевого дневника не видел. Читай давай, время не терпит!

Светлейший мученически вздохнул, но взял челобитную в руки. Быстро пробежал неровные строчки раз, потом другой. Неопределенно хмыкнул и почесал затылок.

- А ведь точно кто-то из наших. Как думаешь? - выражение лица его разительно переменялось, а взгляд стал жестким и прицельным.

- Да это и ежу понятно, - досадливо отмахнулся Петр. - Вопрос в том, кто именно и что за предьявы он нам выкатить грозит? Вспомни, кому мы там дорогу могли перейти?

- Ну и вопросы ты задаешь, барин, - поежился Меншиков. - На самиздате, почитай, несколько сотен авторов над темой попаданцев трудится, разве всех упомнишь?.. Эх, чует мое сердечко, что придется нам с «демоном» этим лично познакомиться! - Александр Данилович воровато оглянулся и выудил из-за пазухи маленький черный револьвер. Крутанул барабан, привычно прицелился и, мученически вздохнув, спросил: - Засланца-то как обычно к князю-кесарю, тьфу, к Владу в пытошную или сразу на кол?

- На твое усмотрение, - рассеянно бросил Петр. Он уже переключил свое внимание на следующий документ, в заголовке которого выделялась фраза: «...заранее разыскать и предать мученической казни всех людишек по фамилии Махров, Орлов, Логинов, Конюшевский, Буркатовский... (полный перечень в трехтомном приложении) дабы урону для державы нашей в будущем избежать...», и злобно сопел, набирая какой-то номер на маленьком серебристом аппарате, извлеченном из потайного кармашка камзола, приговаривая негромко: - Договаривались же, не больше десятка человек на эпоху! Что там у них, весеннее обострение, что ли?!

Передайте товарищу Сталину...

«...и обязательно установить командирскую башенку на Т-34!» - Сергей закончил фразу, проглядел напоследок свое сообщение - все 527 пунктов - и решительно кликнул «Отправить», со злорадством представляя, что сейчас начнется на форуме. Ничего, пусть попляшут - нашли, с кем спорить!

Сергей Довгий вот уже несколько лет был твердо уверен - ему непременно повезет. Не сегодня, так завтра. А как иначе: неужели все, что он сделал, окажется напрасной тратой времени? Нет, это решительно невозможно! Кому как не ему надлежит отправиться в прошлое и железной рукой навести там порядок.

Эта мысль запала ему в душу, когда он прочитал книжку с красочным рисунком на обложке, повествующую о приключениях некоего бравого «попаданца» «при дворе царя Иосифа». В тот раз Сергей целую ночь не спал, размышляя о том, как бы он сам поступил, окажись вдруг в тридцать девятом или сорок первом году. В мозгу сменяли друг друга яркие картины, на которых он то сидел по правую руку от товарища Сталина - красивый, в новенькой гимнастерке (или френче, не принципиально!) со Звездой Героя на груди, а Политбюро смотрит ему в рот, внимая мудрым рекомендациям; то стоял на ступенях поверженного Рейхстага, принимая Парад Победы, то зачитывал положения безоговорочной капитуляции бледным и жалким американским сенаторам, трусливо прячущим трясущиеся от страха перед

мощью Красной Армии потные ручонки....

На утро Довгий решительно уселся за рабочим столом – благо календарь показывал выходной, открыл новый файл и недрогнувшей рукой настучал: «План мобилизационных мероприятий СССР». Подчеркнул написанное и... завис.

Нет, не компьютер, а он сам. Только сейчас Довгий вдруг с ужасом осознал, как малы и ничтожны его знания о той эпохе. В самом деле, ну что ему было известно о работе сталинских наркоматов, перипетиях закулисной борьбы партийных группировок или технологиях, использовавшихся на оборонных заводах? Так, сущие мелочи. И что, прикажете идти к вождю народов с этой ерундой, отрывая его от дел? Даже не смешно – на месте генсека тут же отправил бы наглеца на Лубянку.

Значит... значит, нужно в срочном порядке ликвидировать пробелы в образовании! Приняв это поистине судьбоносное решение, Сергей не стал откладывать дело в дальний ящик, незамедлительно начав «работу над ошибками». Перво-наперво он запустил Яндекс и вбил в него запрос найти рекомендации по модернизации РККА. Результат ошеломил – сто тысяч пицот мильенов ссылок! Юноша скрипнул зубами, но решительно «провалился» по верхней...

С той поры минуло три года. Сергей приобрел в Сети устойчивую репутацию знатока по предвоенному периоду, язву желудка и очки с толстенными линзами. Окрестные библиотечарши трусливо прятались под столами, завидев в дверях его согбенную фигуру и жадный ищущий взгляд, шарящий по полкам, а продавцы в «Олимпийском», наоборот, вручали ему при встрече охапки гвоздик и прочувственно сморкались в носовые платки, помогая взвалить на плечи рюкзак с отобранными книгами.

В потайных кармашках его куртки всегда присутствовали два десятка флэшек, до отказа набитых необходимой для передачи товарищу Сталину информацией, а трясущиеся от хронического недосыпа руки прижимали к груди верный ноутбук. Но главным достижением являлось то, что он наконец-то был готов отправиться в прошлое. А на разные досадные мелочи Довгий попросту не обращал внимания.

И вот сегодня он вышел из дому, пребывая в полной уверенности, что его мечта осуществится. Внутренний голос тихо шепнул ему: «Иди!» и Сергей отбросил в сторону недоеденный бутерброд, оделся, отсалютовал своему отражению в зеркале у двери и решительно щелкнул замком.

Ослепительная жемчужная воронка цепко приняла его в свои нежные объятия сразу за порогом, закружила в бешеном водовороте, перемалывающем кости и расщепляющем сознание, а затем безжалостно швырнула в безбрежный океан красок.

– ...Se levez, le prince! Vous non [2] ушиблись? – последнее слово Сергей уже понял. А вот что ему сказали вначале? Довгий машинально ухватился за протянутую руку, поднялся на ноги и... что за ерунда?!

– Где я?! – закричал он, глядя на стоявшего перед ним мужчину в странном одеянии. – Кто вы такие, почему не видно товарища Сталина?!? Передайте ему немедленно, что у меня сведения государственной важности!.. – Сергей глянул за спину незнакомца и вздрогнул. – Стойте... Год. – Сердце в груди бухало с такой силой, словно собиралось вот-вот выпрыгнуть наружу, а в висках стучали тысячи молоточков. – Какой сейчас год?!?

– Право, вы шутник, князь. Неужели падение с лошади отразилось на вашем самочувствии столь прискорбным образом? – Мужчина засмеялся. – Хватит прикидываться, пора дать

команду полку выдвигаться на исходный рубеж - Император ждет. Еще одно последнее усилие, и мы окончательно слошим сопротивление русских - солнце Аустерлица навсегда померкнет для них!

Программа-минимум

- Но, парус... па-аарвали, парус! Каюсь, каюсь, каюсь!!! - Лаврентий Павлович в последний раз ударил по струнам и замолчал, переводя дух. Соратники по Политбюро тревожно молчали, наблюдая за ходившим по кабинету взад-вперед вождем, ожидая его вердикта.

Наконец Сталин остановился. Помолчал. Обвел соратников холодным взглядом и неторопливо заговорил:

- Невероятно, но факт. Товарищ Берия не прошел испытания, - наркомвнудел закатил глаза и рухнул со стула. Жалобно звякнула разбившаяся гитара. Ворошилов злорадно засмеялся, прижимая к груди любимую гармонь. Генсек слегка поморщился, но продолжил, мягко переступив через бездыханное тело. - Чем объяснить такой однобокий и странный характер исполнения столь хорошей песни товарищем Берия? Как могло случиться, что потенциально неплохой вокалист, располагающий громадными возможностями и не меньшим потенциалом, так легко и без отпора отказался от своих позиций и своих обязательств? Не объясняется ли это слабостью товарища Берия? Конечно, нет! Он бесспорно сильнее всех заслушанных нами ранее исполнителей.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки и столь, я бы сказал, слабovolное поведение наркома внутренних дел? Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, нежеланием демонстрировать свои истинные возможности, отказом от пролетарского интернационализма и такого испытанного метода, как наша общая работа!

- Правильно! - заорал Мехлис. - Поддерживаю, товарищ Сталин. Предлагаю отобрать у него партбилет! Нет, сначала расстрелять, а потом - партбилет!

Вождь недовольно засопел:

- Не в этом дело, товарищи. Я смотрю, вы не поняли мою мысль.

- Так поясни конкретней, Коба? - осторожно поинтересовался Молотов.

- Пожалуйста, - неожиданно покладисто согласился генсек. - Вам надо петь хором!

- То есть... как?! - подобрал с пола отпавшую челюсть Каганович.

- А капелла! - безжалостно отрезал Сталин.

Рядом с валявшимся на полу Берией оказалось еще несколько членов Политбюро.

Сталин презрительно усмехнулся и повернулся к тихо сидевшему в углу Поскребышеву.

- Что там у нас дальше по плану? Доложите!

Секретарь откашлялся:

- Разучивание песен Владимира Семеновича Высоцкого... выполнено? - Вождь благосклонно кивнул. - Тогда приведение в исполнение высшей меры наказания для товарища Хрущева. Эн

Эс.

- Опять?! - Хрущев побелел как полотно. - Да сколько же можно? Побойтесь бога, товарищи, сейчас-то за что?

- За целину, - сверившись со списком, дал справку Поскребышев. - А после еще за Карибский кризис, сокращение армии и флота, дискредитацию КПСС...

- Подвинься, чего один на полкабинета развалился? - Никита Сергеевич недовольно ткнул в бок продолжавшего изображать полную потерю сознания Берия. - А то мне раньше времени «педерастов» припишут... Ох уж мне эти попаданцы! - паренек в спортивном костюме, шапке-ушанке и застиранной футболке с надписью «Iron Maiden», неотступно следующий за генсеком, виновато улыбнулся и развел руками.

- Давайте следующий пункт, - устало попросил Сталин. - Только учтите, что работать на Linuxе я отказываюсь категорически - пусть сначала нормальную операционку на мой ноутбук установят!

- Но тогда нам придется перейти к программе-максимум, - замялся Поскребышев.

Вождь народов обреченно потянулся за новой пачкой «Герцеговины».

Москва, 2009 г.

Алексей Махров

Резервный фронт

- Давай-ка, Витек, наливай еще по одной, а я тебе историю одну расскажу, которая случилась со мной в сентябре сорок первого... Ух, хорошо пошла! Ты закуси, закуси - это мериканские сосиски, их только летчикам да генералам в пайке дают! Ну, так вот... Войну я встретил на Украине, сражались мы хорошо, отступали только по приказу, командовал нами Рокоссовский - мировой мужик, я тебе доложу! И что характерно, особистов и чекистов ненавидел лютой ненавистью, хотя на открытый конфликт, конечно, не шел. Ну, были у него причины, перед самой войной сидел он... За что? Ну, за что у нас перед войной сажали? Понял? Сам ты, Витька, враг народа! Если бы у нашего народа такие враги были бы, то ему бы и друзья не понадобились! Кому? Да, блин, народу! Что ты меня путаешь? Я сам запутаюсь! Хе... Уже запутался! Ладно, давай еще по половинке и перекурим.

С чего я начал-то? А! История, что произошла в сентябре! А я что говорю? С кем войну начал? Ну, стало быть, издалека начал! Хе... Хороший табачок, говоришь? Дык, тоже мериканский! Вот чего у союзников хорошо - так это снабжение! Лучше бы второй фронт открыли? Да, уж! Я согласен без сосисок и табака остаться, но чтобы фашистских гадов вместе били! Ладно, опять я отвлекся... Так, значит, начал я войну на Украине, воевали мы хорошо, но из-за дурости начальства попали мы в котел всем фронтом. Да, ты прав - под Киевом это было! Ну, и когда выходили из окружения, зацепило меня осколком. Да так хорошо зацепило - в грудь навyleт! Спасибо ребятам из взвода, вытащили-таки к своим! Провалился я тогда в госпитале, а после выздоровления поставили меня командовать ротой ополченцев. Резервный фронт... Да... Хотели для немцев непреодолимый вал создать, только немцы, чтоб им пусто было, тоже не дураки, обошли нас, так что история с окружением повторилась. Да, Витек, ты прав, тот самый Вяземский котел. Но это уже другая история. А та, которую я тебе рассказать пытаюсь, произошла в самый первый день немецкого наступления.

Ну, готовлюсь я, значит, к обороне, муштрую своих ополченцев. Причем в моей роте сплошь творческая интеллигенция была. Даже писатели и композиторы попадались! Муштрую, значит, а тут в расположение роты гости приезжают – корреспонденты из Москвы. Какой газеты, спрашиваешь? Вот черт, не помню, то ли «Правда», то ли «Известия». Ну, в общем, одной из центральных! Вот... Приехали два молодых мужика – политруки, старший и младший... С ними шофер при «ЗИСе» и дамочка, красоты неопишуемой – артистка. И хотели эти корреспонденты статью о моих бойцах накатать, мол, вот смотрите, товарищи, воюют все, даже писатели и композиторы, никто в тылу не отсиживается! Это чтобы другим в пример! И все бы ничего, но приперся с корреспондентами особист наш полковой – Левкович. Гнида редкостная! Пока мы к обороне готовились, он, сука, все по ротам шастал, вынюхивал. Несколько десятков человек потом взяли. Как за что? Они придумают за что! Был бы человек, а повод найдется! За невесторженный образ мыслей! Да... Так вот, корреспонденты... Приехали, значит, ну и давай лазить по окопам, фотографировать да выспрашивать, кто из красноармейцев кем до войны был. Вот... Целый день лазили, а вечером я их в свою землянку пригласил. Посидели, выпили... Простые мужики оказались, не гордые... Коньяк свой на стол выставили да закуску всякую, что из столицы с собой привезли. Артистка эта нам песни пела, романсы там всякие. Э, нет!!! Что-то я вперед малость забежал, эти посиделки уже после боя были! Вспомнил, днем они лазили и обедать ко мне в землянку пришли. К тому времени Левкович уже смылся куда-то. Как чувствовал гад, что скоро начнется... Ну, ладно... На чем я остановился? Так, обед... Да, а я говорил, что они мужики простые были? Говорил... Пообедали, супом из концентрата! И ничего – никто даже не поморщился! И только мы закончили суп хлебать – тут все и началось! Немцы артподготовку начали. Ну так себе сабантуй, средненький... Может, дивизион по нам лупил, может, два... Мы к такому готовились и в землю врылись основательно, так что я за своих людей особо не беспокоился. Успел им таки в голову вбить, что как загрохочет – прикинься ветошью и не отвечивай! А корреспонденты эти как-то странно удивились! Нет, Витек, не самому обстрелу. Нет, Витек, и не испугались они нисколько, видно было, что люди они обстрелянные. Ну, дамочка, понятное дело, побледнела с перепуга... А мужики ничего, переглянулись между собой, а потом старший политрук как бы про себя говорит: почему, мол, на день раньше? Я, помнится, тогда удивился малость, и откуда они о наступлении знали? Ну да все по порядку... Начался артобстрел... Я, конечно, по окопам решил пробежаться – посмотреть, как мои бойцы, пороху не нюхавшие, команду укрыться выполняют. Ну, пробежался, посмотрел – хорошо выполняют, жить-то всем охота! Где-то через час обстрел прекратился. Выбрались мы под небо, глядь, а немчура уже тут как тут! Ну ты, Витек, сам со взводного начинал, третий год воюешь, знаешь небось, как они это умеют – подобраться почти вплотную под прикрытием огневого вала! Ну и в тот раз подобрались... Где-то десятка три танков и самоходок, да мотопехота численностью до полка... Мой батальон на холме стоял, по-над речкой Вошь, моя рота на левом фланге. Хорошая у нас позиция была – местность на несколько километров просматривалась и простреливалась... Хм... Было бы чем простреливать, самым тяжелым оружием у меня были пулеметы «Максим». Да и то во время обстрела у одного из них кожух осколками посеколо. Вот... А перед холмом лужок до самой речки спускается. Хороший такой лужок, для обороны самое то – заболоченный по самое не могу! С этого направления нас было не достать. Но вот левее нас была балочка, аккурат от реки. Сухая такая лощинка, и у речки там твердый брод был. Наши, конечно, прекрасно знали, какую опасность эта «дорожка» представляет – там целый полк встал... Ополченский... И неполного состава – тысячи полторы. Да батарея сорокапяток, да батальон штурмовой... Не, Витек, не штрафной! Путаешь ты! Это с сорок второго года эти батальоны стали штрафными называться. Ага, после знаменитого приказа «Ни шагу назад!». Да, а в сорок первом они штурмовыми назывались, хотя суть одна... Ну, батальон – это громко сказано, было их там не больше полутора сотен, командиров бывших, то есть офицеров по-теперешнему. Но воевали они отлично! Стояли насмерть! Да... Так вот как раз по этой балочке немцы и подобрались! И то, что мы на несколько километров все просматривать могли – стало бесполезным, дистанция

сократилась до пятисот метров. Балочка, конечно, заминирована была. Да только то ли мин наши пожалели, то ли немцы под шумок успели их снять, им тоже отваги не занимать. Да ты, Витек, знаешь! В общем, прут эти танки с мотопехотой, как на учениях. Уже и речку форсировать успели. А встретить их почти некому: тем, которые лошину держали, больше всех досталось! Вся позиция воронками перепахана! Места живого нет! Вижу я, что пара сорокапятков еще бухает, но куда им против тридцати стволов! Но молодцы артиллеристы, четыре коробочки зажгли! Потом то, что от батареи оставалось, немцы гусеницами проутюжили. Тут штрафники стали под гусеницы с гранатами кидаться! Страшное зрелище, я тебе доложу! Откуда знаю, что штрафники, а не ополченцы? Так ведь в фуражках они были да в сапогах! Ну, бывшие... В общем, смерть свою они достойно приняли, что бы они в прошлом ни сделали! Искупили кровью! Своей и вражеской! Да... Однако немцев это не остановило! Смяли они нашу оборону, заняли траншеи. Ну и начали на нас поворачивать, чтобы фланг свой обеспечить! Вот... А лужок-то болотистый только у речки! А со стороны лошины пологий сухой склон! Отличные, просто полигонные условия для атаки! Они и атаквали! Давай, Витек, плесни еще по полной! Что-то от этих воспоминаний сердце защемило! Вот, казалось бы, третий год воюю, до майора дослужился, две «звездочки» [3] на груди краснеют да три золотых шеврона [4] сверкают, а до сих пор этот бой забыть не могу! Глянул я тогда на своих орлов – как они? Нормально! Хоть и интеллигенты, а не дрожат! А старший политрук со своим шофером хватают артистку в охапку и в тыл бегом! Я еще мельком подумал, что трусились они! Вот веришь, Витек, сколько времени прошло, а мне за ту мысль до сих пор стыдно! Потому как ошибся я и ошибся сильно! Тут мне не до раздумий стало, немцы-то прут! Пятнадцать танков вверх по склону ползут, за ними батальон пехоты в цепь развернулся, а со дна лошины еще десяток самоходок постреливает! В общем, веселуха полная! Ну, ударили мы по ним, да толку... Сотня винтовок да три пулемета... И чувствую я – не удержим высоту! Выбьют нас! Слышу, один из моих «Максимов» замолчал. Я к нему! Добежал, а от расчета только ключья остались, по стенкам окопа раскиданные! Ну думаю, все – хана нам! Огляделся я по сторонам тоскливо и вдруг вижу – возвращаются мои «беглецы»! И политруки, и шофер их. И тащат какие-то пеналы! Прыгнули в стрелковые ячейки, и тут такое началось! Пеналы эти «эрэсами» [5] оказались! Противотанковыми! Что глаза округлил? Неужели тебе еще немецкие «фаустпатроны» не попадались? Ах, попадались! Ну, так чего ты тогда удивляешься? Откуда они у наших в сорок первом взялись? Вот об этом, Витек, я до сих пор гадаю! Да и не «фаустпатроны» это были. Наше это было оружие, советское! Политрук их потом «гранатометами «Муха» назвал. Что ты ржешь? Эти «Мухи» жужжали так, что немцам мало не показалось! Через пять минут немецкие танки пылали! Да-да, Витек, как свечи на новогодней елке!!! Какое расстояние до них было? Метров триста-четыреста! Сам знаю, что «фаустпатроны» так далеко не бьют! Я ж тебе говорю – советские это были хлопушки! Ну, ты, блин, и вопросы задаешь, Витек! Ну откуда я знаю, почему их до сих пор в войсках нет! Мне тот политрук еще тогда сказал, что это экспериментальное оружие.

Что дальше было? А! Интересно стало! Хе! Налей еще по половинке. Эх, хорошо прошла! Ну вот, а потом слышу – пулемет заработал! Я думаю – откуда? Как? Ведь оба моих «Максимки» уже вверх колесами к тому времени лежали. И интересно мне стало! Я ужом по ходам сообщения на звук! Дополз – глядь, а тот корреспондент, младший политрук, с каким-то незнакомым пулеметом в свободной ячейке пристроился и стреляет! И смотрю – хорошо стреляет! Да не просто хорошо, а отлично! Короткими очередями, экономно, а после каждой очереди три-четыре немца в цепи падают и не поднимаются! Ну, блин, думаю, повезло мне – опытный пулеметчик попался. И не просто опытный, а обстрелянный! Пять очередей даст и меняет позицию, пока немчуря по нему не пристрелялась! Что за пулемет? Хрен знает! Чем-то на чешский VZ-26 похож, только рожок сверху не торчит. Питание ленточное, а сама лента в коробку уложена, а та коробка снизу к ствольной коробке пристегнута. Ну, ты слушай, что

дальше-то было! А дальше у этих чудо-корреспондентов заряды к их гранатометам кончились. Но это было уже не важно, атакующие танки сгорели, а те, что внизу стояли, назад через речку ушли. А за ними и пехота покатила. Я до старшего политрука добежал, а он из автоматического карабина бьет. И как бьет! Любо-дорого смотреть! Один выстрел – одно попадание! Причем только офицеров выбивал! Что за карабин, спрашиваешь? Вот тут опять загадка, никогда больше я таких карабинов не видел! Только у немцев что-то похожее есть – штурмовая винтовка называется. Как ты сказал? Вот-вот! Штурмгевевер [6]! Видел уже? Ну, значит, можешь представить тот карабин. Внешне очень похож, только легче и сделан проще. Как это, какой лучше? Наш, конечно!

В общем, отбили мы ту атаку. Тут немцы опять из пушек огонь открыли, мы все по щелям, как тараканы, попрятались. Я с этим корреспондентом в одной ячейке сижу. Вокруг грохочет, а я его все выпрашиваю, что это у них за оружие. И тут понимаю я – не корреспонденты они! Тогда я политрука напрямую спрашиваю: мол, вы кто такие? А он сначала сказал что-то вроде «Спецназ ГРУ». Видно, что машинально ответил, но потом поправился: «Мобильная группа особого назначения»! Я обрадовался было, ну еще бы – такое подспорье в обороне! Но политрук мой пыл сразу охладил. Сказал, мол, прости, лейтенант Гымза, но у нас свое задание. Хотя до вечера обещал остаться. Ну и остались они... До вечера еще три атаки отбили. Вижу я – выдохлись немцы! Затихло все, только на юге погромыхивает. Как потом выяснилось, это Гудериан к Туле прорывался. Теперь-то я знаю, что мы уже тогда почти в окружении бились. А тогда я об этом не думал, отбили атаки – и слава богу! То есть «слава труду»!

Отбились и отбились! Я, конечно, людей проверил, потери подсчитал, раненых на эвакуационный пункт отправил. Вроде все дела свои командирские переделал. Можно отдохнуть, перекусить, принять «наркомовскую». Я тогда политруку и говорю: пошли ко мне в землянку, отметим нашу маленькую победу. А он: погоди, надо артистку нашу из убежища вызволить. Интересно мне стало, что там у него за убежище. Напросился проводить. А он идет напрямую к своей машине. Они, оказывается, в полукилометре от передовой ее оставили. Подходим мы к «ЗИСу», а возле него воронка здоровенная от пушки-гаубицы немецкой стопятимиллиметровой... Ну, думаю, если артистка где-то рядом пряталась... Жаль девушку...

Нет, подходит политрук к автомобилю, открывает дверь, и артистка живая и невредимая выпархивает... Что, блин, за чудо? Воронка в пятнадцати метрах! Простой «ЗИС» весь осколками бы посеколо! Присмотрелся я тогда к машинке этой повнимательнее, хотя и темно уже... И что ты думаешь? Нашел на борту несколько царапин! От осколков! Слово по броне чиркнуло! Да нет, Витек! С виду это самая обыкновенная машина была – ЗИС-101. Что говоришь? БА-20? Ну, ты, Витек, думай, что говоришь! Что я, кадровый офицер Красной Армии, броневик от легковушки не отличу? Вот только борта у той легковушки были попрочнее бортов броневика!!! После близкого разрыва БА-20 решето напоминает! Сколько я их за войну навидался, коробочек этих!

Ладно... Извлекли мы из «ЗИСа» артистку, гитару, коньяк, закуску эту московскую, диковинную. Почему диковинную? Ну, консервированную ветчину ты наверняка видел, а вот лапшу в коробочках, которую готовить не надо? Как это? А вот так! Заливаешь кипятком, ждешь три минуты и готово! Название у нее тоже какое-то смешное было, татарское, что ли – «Доширак»...

Ну, посидели мы душевно, это я тебе уже рассказывал... Да, песни пели, коньяк пили... Неплохо, в общем, время провели! Я все порывался политруков этих расспросить об оружии, да и обо всем другом... Но то ли постеснялся, то ли... Что потом? Потом я посты проверять отправился, а когда вернулся, мне взводные и говорят, мол, ворвался в землянку Левкович со своими подручными и арестовал наших гостей, те и сделать ничего не успели! На каком

основании? Блин, Витек, какое этим уродам нужно основание? Петька, ну, зам мой, так он сказал, что, когда их обыскивали, то под шинелями много чего нашли! Рации, что ли, какие-то портативные с надписями не по-русски. Как там Петька сказал? Слово уж больно мудреное, но зам мой университет перед войной окончил... «Моторола», что ли? Да, точно - «Моторола»!

Ну, думаю, совсем Левкович оборзел - таких боевых ребят хватает! А фронт кто держать будет? Особист этот хренов со своими мордоротами? Сел я тогда и крепко задумался. Ну не мог я допустить такую несправедливость! И вот тогда, Витька, я и решился на авантюру, по меркам нашего государства - преступление! Об этом, Витька, теперь только двое знать будут - ты и я; остальные посвященные - на том свете все: и правые и виноватые! Но я тебя с первого класса школы знаю, да и на фронте ты за чужими спинами не прятался! Вон какой иконостас у тебя, покруче моего будет! Да и то, что мы с тобой именно в госпитале встретились... Ладно-ладно, Витек, хорош обниматься! Переборщил с непривычки, парень... Еще бы - три месяца на больничной койке... Сядь, закури, дай мне историю закончить.

Ну, успокоился? Продолжаю... Подумал я тогда, да и позвал несколько ребят, в которых был уверен, как в самом себе: двоих взводных, Петьку, зама своего, да сержанта из второго взвода, пожилого дядьку, третью войну уже пахавшего. У него на Левковича зуб был: тот его за «превознесение царского генерала» арестовать хотел, комиссар полка отмазал, они с этим сержантом вместе в партию вступали, в одна тыщца девятьсот пятнадцатом году. Какого генерала? Да про Брусилова дядька красноармейцам рассказывал, про прорыв его знаменитый, хотел новобранцам мысль внушить, что немца победить можно.

Вот собрал я, значит, команду и объяснил ребятам, что делать нужно. Все со мной согласились - политруков-то мы в деле видели, а суку эту, Левковича, на дух не переносили. А задумал я отбить наших гостей-помощников... Как это можно скрыть? Так фронт же, дружище, самый передок! Всех особистов перебить, и пускай потом другие гадают: то ли шальной снаряд, то ли пулеметная очередь с самолета! Ну собрались мы, пошли... Где блиндаж особого отдела - сержант знал, точно вывел! Подходим мы, и вдруг выстрелы! Винтовки бьют, судя по звукам - две. Мы рассредоточились и подкрадываемся. Вдруг все стихло. Я поближе подобрался и слышу голоса: политрук вопросы задает, а Левкович отвечает. Причем, судя по голосу, со здоровьем в этот момент у Левковича явно нехорошо! Как-как? Ну, ранен он! Я еще ближе подполз, выглянул из-за кустов. Вижу - трупы разбросаны, а над ними эта троица стоит. Какая-какая? Блин, Витек, ты что-то совсем соображать перестал! Все, тебе больше не наливаем! Какая троица? Отец, сын и святой дух! Ха! Ну, ясно же - политруки эти да шофер их! А где девушка была? Распереживался, блин! Да все в порядке с ней было - в блиндаже она отсиживалась! Ну вот... Допросили политруки Левковича, потом старший приставил ему дуло винтовки ко лбу и спокойно спустил курок. В общем, не понадобилась им наша помощь! Сами прекрасно справились. Как я потом посмотрел - охрану блиндажа голыми руками перебили, а когда Левкович вернулся, из засады его встретили и из двух винтовок, что у охранников отобрали, всю особистскую кодлу положили! Сколько-сколько? Человек семь-восемь...

Ну, вылез я из кустов. Окликнул, конечно, предварительно, чтобы не пальнули от неожиданности. Политрук мне спасибо сказал за помощь... Объяснил, что именно за особистом его командование и послало, мол, враг народа тот был... Как же - поверил я ему! Но сделал вид, что поверил! А что? И ему и мне спокойней! Разошлись мы друзьями... Хорошие они все-таки ребята! Да, на прощание политрук спросил: служил ли в моей роте Илья Ясулович. Служил такой... Во втором взводе... Так я и ответил, и добавил, что ранило его днем и что его отправили в медсанбат. Догадался я потом, что именно Ясуловича этого они под видом репортажа и искали. Что это был за человек? Человек как человек... Вроде бы бывший аспирант, да перед войной отсидел пару лет... Ну, не за кражу же! Конечно, по политической

статье!

Вот такая история, Витек! Думай, что хочешь! Да... Я потом уже узнал, что видели этих людей в медсанбате и что протащили они через фронт триста раненых. Как-как? Каком кверху! Тогда под Вязьмой слоеный пирог был... Можно было сделать, раз провели... Я сам тогда из окружения остатки батальона вывел... Хотя выводить здоровых людей проще, чем раненых. Про медсанбат мне сестричка одна рассказала, когда я после второго ранения в госпитале валялся. Узнала, что я тоже под Вязьмой бился... Еще она сказала, что забрали эти политруки двух людей – того самого Ясуловича да одного майора, командира батальона штурмового. Что-то она еще плела про пенициллин, мол, майора им из горячки вывели. Что удивительного? А то, Витек, что этот самый пенициллин только в прошлом году придумали! Ладно, давай по последней и на боковую! Что-то я тоже окосел...

Эх, хорошо пошла! К чему я все это рассказал? Да вот к чему... Как думаешь, откуда у меня коньяк этот, закуска и табак мериканский? Какую посылку из дома? Кто мне коньяк пришлет? Мать с трудом концы с концами сводит, трех сестренек растит на один мой аттестат! Какой спецпаек? Ты что, Витек, мы с тобой в одной палате на соседних койках лежим, мне что, особые условия полагаются? Все? Сдаешься? Ладно, не буду больше томить, встретил я своего старого знакомца. Кого-кого? Политрука того, старшего! Только он теперь генерал-майор! Искал он здесь в госпитале кого-то. Меня сразу узнал, первым подошел, обнял, про здоровье спрашивал... Гостинцы эти вручил... И знаешь, Витек, что он сказал на прощанье? Недолго, говорит, осталось – через год война кончится! И знаешь, Витек, я ему почему-то верю!

Пробой реальности

Белый свет залил фонарь кабины боевого самолета. И тут же с явно слышимым щелчком пропал. Командир элитного ударного подразделения воздушных сил ВМФ Российской Империи подполковник Антон Крюков машинально взглянул на тактический экран – все в норме, только засветились красным светом пиктограммы каналов спутниковой навигации и телеметрии с авианосца «Владимир Мономах». Затем Антон посмотрел на своего ведомого – истребитель-бомбардировщик С-150 из эскадрильи «Черный орел» шел за ним в левом пеленге.

- Командир! Что это было? – удивленно спросил сидевший рядом оператор вооружения поручик Дементьев.

- Не знаю, – ответил Крюков. – Проблемы с навигацией, переходи на запасной канал!

- Есть, командир! – поручик принялся за работу.

- Полсотни-третий! Ответь полсотни-первому! – запросил подполковник своего ведомого капитана Левшина.

- Ответил! Полсотни-третий! – раздался в наушниках флегматичный голос капитана.

- Отказ навигации! Продолжаем выполнение задания! Основная цель – тяжелый крейсер Халифата «Меч пророка»!

- Понял, командир! – подтвердил ведомый.

Антон вопросительно посмотрел на Дементьева.

- Глухо, командир! – несколько растерянно сказал оператор. – По всем трем каналам глухо!

- Спокойно, поручик! Что бы ни случилось – спокойно! – твердо сказал Антон. Поручик был молодым и шел на боевое задание второй раз. – Возможно, вспышка белого света была от действия какого-то нового оружия. Курс мы не меняли, поэтому крейсер вскоре должен появиться на наших тактических радарх.

Крюков оказался прав, и через семь минут на экранах появились сигналы.

- Командир! Неужели разведка подвела?! – удивился Дементьев. – Кораблей охранения почти в два раза больше!

- Последние данные с разведспутников и авианосца поступили к нам до этой вспышки. Всего десять, нет, уже одиннадцать минут назад. И вряд ли противник успел подтянуть дополнительные силы в этот район, – ответил подполковник. – Это могут быть ложные цели, я видел такое в боях над Суэцем во время второго Джихада!

- Полсотни-первый! Ответь полсотни-третьему! – Судя по голосу, Левшин вышел из своей обычной флегмы.

- Полсотни-первый! Слушаю! – ответил Крюков.

- На курсе 275, удаление 500 наблюдаю группу надводных целей! Количество целей не совпадает с данными разведки! Наши действия? – запросил Левшин.

- Боеголовки ракет в режим селекции тоннажа! Нижняя планка – 20 000! Повторяю – 20 000 тонн!

- Принято! – уже более спокойным голосом ответил ведомый.

- Атакуем! Слева 30, до цели 400, план номер три! – четко скомандовал Крюков.

- Принято! Атакуем! – отрапортовал Левшин.

Истребители-бомбардировщики С-150, повернув влево, легли на боевой курс...

Командир авианосца «Авраам Линкольн» ВМС США Гарри Кондейл был разбужен сигналом с мостика. Вахтенный офицер доложил Кондейлу, что самолет ДРЛО засек приближение к эскадре неопознанных воздушных высокоскоростных целей.

АУГ [7] из состава 5-го флота во главе с «Линкольном» находилась в Персидском заливе из-за очередного обострения конфликта с Ираком. Командующий группой вице-адмирал Тимоти Китинг был предупрежден о возможных провокациях со стороны иракцев, но эти самолеты шли с юга.

- Ну что тут у вас? – спросил командир, поднявшись из своей каюты в БИЦ [8].

- Цель групповая, высокоскоростная, патруль засек их на удалении 700 миль, но дежурная пара «Томкэтов» на перехват не успела. Цель движется со скоростью 4 Маха, – ответил офицер поста ПВО. – Минуту назад они повернули влево и теперь следуют точным курсом на нас. Учитывая их скорость – время до контакта 2 минуты.

- Боевая тревога! – объявил командир. Гигантское тело авианосца наполнилось громким «кваканьем» сирен и грохотом ног. Несколько тысяч моряков спешили занять свои места по боевому расписанию. Палубная команда приступила к подготовке взлета пары F-14.

- Что за шум? - брюзгливо спросил подошедший адмирал Китинг, оторванный тревогой от чтения последнего номера журнала «Hanting & Fishing».

Адмирал недоуменно посмотрел через плечо оператора на тактический дисплей. И в этот момент группа целей разделилась. Через секунду вместо двух точек на радаре появилось несколько десятков.

- Цель задействовала имитаторы! - объяснил оператор, не отрывая глаз от экрана. А спустя десять секунд добавил: - И поставила радиоэлектронные помехи!

- Противник забил все командные частоты, полностью потеряна связь с кораблями охранения! - доложил вахтенный офицер.

- Эта группа явно атакует нас! - Адмирал слегка побледнел. - Иракцы?!

- Для иракцев они слишком хорошо оснащены! - Кондейлу тоже сделалось не по себе.

Почти целую минуту в БИЦе царила тишина. Все офицеры смотрели на покрывшиеся сплошными засветками экраны радаров.

- Перехват невозможен!!! - офицер поста ПВО был близок к панике. - Мы не можем различить цели, мы их просто не видим!!!

- Сделайте хоть что-нибудь, они же нас сейчас прикончат! - заорал адмирал.

В сторону приближающихся самолетов были выпущены все зенитные ракеты, вслепую, по выбранным компьютером случайным целям открыли огонь комплексы «Вулкан-Фаланкс» правого борта.

Но все эти действия оказались тщетными.

Авиационные противокорабельные ракеты «Шестопер», используемые истребителями-бомбардировщиками ВМФ Российской Империи, были предназначены для борьбы с устаревшими, но защищенными толстой бортовой броней кораблями Халифата. Для надежного поражения цели на «Шестоперах» стояли кумулятивные фокусно-плазменные боеголовки, при номинальном весе БЧ в пятьсот килограммов имевшие мощность 12 тонн. И таких ракет каждый С-150 нес по две штуки.

Ракеты, выпущенные экипажем Крюкова, вошли в борт авианосца. Первая на полметра выше подводной защиты, проделав пробоину диаметром 20 метров и разрушив прилегающие отсеки на глубину половины корпуса. Но даже такая чудовищная рана не смогла бы вывести гигантский, водоизмещением 95 000 тонн, корабль из строя. Однако вторая ракета проделала аналогичное отверстие напротив кормового эшелона силовой установки [9]. Ядерный реактор не перенес близкого взрыва. Сработала аварийная защита, реактор был заглушен, и корабль временно, до разгона на рабочую мощность носового эшелона ЯСУ [10], остался без энергии и хода.

Ракеты, выпущенные экипажем Левшина, сделали горку и ударили сверху в идущий по инерции плавучий остров. Первая полностью разрушила надстройку, убив всех, кто в тот момент находился в боевом информационном центре, ходовой и штурманских рубках. А вторая последовательно пробилла 50-миллиметровые стальные настилы полетной, ангарной и главных палуб и нырнула в трюмный отсек, который, по замыслу конструкторов, должен был являться

самым защищенным, после ЯСУ, местом на корабле. Именно в трюмном отсеке находились запасы авиационного топлива и боезапаса. На беду американцев, путь «Шестоперу» преградила наполовину пустая цистерна с авиационным керосином, где, по чьему-то упущению, не была включена система заполнения инертным газом. Чудовищный взрыв вскрыл корабль, как консервную банку. Затем сдетонировали остальные цистерны и погреба боеприпасов. «Линкольн» завалился на борт и стал быстро погружаться.

Завершив противоракетный маневр, самолеты легли на обратный курс.

- Отлично сработано, ребята! Благодарю от лица службы! - по общей связи сказал Крюков.

- Рано благодарить, командир! - ответил капитан. - Параметры цели не совпадают с данными бортового вычислителя. К тому же я хорошо рассмотрел пораженный корабль - это не «Меч Пророка».

Антон не стал переспрашивать, он хорошо знал своего ведомого и поверил ему сразу. На принятие решения у командира ушло не больше пяти секунд.

- Разворот на повторную атаку! Боеголовки в режим селекции подвижных целей! Будем атаковать до полного уничтожения!

«Черные Орлы» повернули назад, на едва пришедшую в себя от стремительной атаки американскую эскадру. В бомбоотсеках русских истребителей-бомбардировщиков висело по два десятка мощных тактических ракет ближнего боя.

Москва, 2007 г.

Владимир Коваленко

Последний рыцарь

Верный

Сэр Мелвас сидит в засаде. Точнее, стоит, но принято говорить, что сидит. И не столько в засаде, сколько наблюдателем. Граф Арранс сказал - проследить, как пройдет отряд Проснувшегося, и дать знак. Кроме самого Мелваса, в пикете еще двое, но оба зелень, что непременно или веткой хрустнет, или солнечного зайчика пустит шлемом. А у Проснувшегося не те люди, что упустят столь явный знак. Если решат, что в кустах скрывается чужой - лес прочешут. И тут - дай Господь ноги унести.

Сэр Мелвас вздыхает. Еще год тому назад в любом лесу графства хозяевами были воины графа Арранса. Теперь и эта пора кажется счастливой, но тогда... Тогда Мелвас вспоминал иные деньки, еще более благословенные - дни, когда корнуолльский бритт оставался хозяином на своей земле. Да, волна варварского нашествия смывала королевство за королевством, но за прошедший с победоносных времен короля Артура срок в славном королевстве Думнония к этому привыкли. И к беженцам с севера и с запада, что ни год наполняющих города, и к тому, что на ярмарках становится все меньше купцов. Таков был ход вещей, и даже монахов, призывавших покаяться и поминавших *furore germanicum*, думнонии слышали, но не слушали.

Приучились - жить. Приучились - не думать о драконе по соседству. Да и надежда была: королевства, что жрал белый саксонский дракон, такие все маленькие... Потом саксы вышли к Ирландскому морю, и соседей попросту не осталось. Разве кто по морю заплывет. Все больше

монахи из разоренных язычниками обителей. Рассказывали, кто и когда пал. И барды слагали печальные песни, а рыцари их слушали. Прихлебывали пиво из золоченых братин, ухмылялись в усы. Думали, нашествие мимо прокатилось. Ошибались.

Давно это было... Мелвас последний в дружине, кто - нет, не помнил - забыл. Толку-то душу рвать? А поди ты, только позабыл - стало хуже. Ведь выбил из памяти былое, как клин из бревна, что передумал раскалывать. Веселье на графском дворе, длинный стол, за которым нет места, не занятого добрым товарищем, идущая кругом чаша, круглый стол с очагом посередине, шипение мяса на вертелах, довольное бульканье котла, удалая песня... Все померкло, и, даже пожелай, всплывет в голове сухое знание - так было, а не яркие картинки: летящий под копытами наезженный тракт, майская зелень, веселое солнце сквозь ветви, гомон товарищей за спиной...

Вот это - приходит во снах, а то и наяву мнится, и дергает душу, показав наяву краешек того, что целиком уж не поймать. Того, что померкло, как свет на закате, пожухло, что трава по осени. Веселая, беззаботная жизнь дружины графа Арранса до явления Проснувшегося. Остатки счастья, которое не сумели убить даже саксы. Тогда, дюжину лет тому, казалось: не может быть ночей черней, чем наставшие дни. На западных рубежах лежало королевское войско. Хлипкий частокол на пути разлившейся реки... Подмыт стрелами, снесен копьями, топорами вымолочен, мечами перемолот. По дорогам, меся извечную грязь, шли усталые, перепачканные кровью и золой люди. Шли да рассуждали: насколько хороша здешняя глинистая земелька. Готовились делить. Ворчали: им, победителям, велели брать землю вместе с побежденными. И им навстречу из лесов выходили люди, ждавшие в чащобах голодной смерти. Те, кто не успел убежать. Обещали отдавать часть урожая, не держать в руках оружия и чтить своих новых господ.

Куда им было деваться? Тот небольшой кусок Думнонии, что не достался саксам, только потому и сохранился, что призвал иных германцев в господа, обязавшись платить за защиту тяжкую дань королевству франков. И первые платежи были сделаны не золотом, а людьми, которых нечем прокормить на белых меловых скалах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)